

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральный исследовательский центр «Коми научный центр
Уральского отделения Российской академии наук»
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН
Коми республиканский благотворительный
общественный фонд жертв политических репрессий «Покаяние»
Коми отделение Российского исторического общества

М. Г. Меерович, В. И. Меньковский, И. Л. Жеребцов

**«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД»:
ИДЕЯ И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 1920–1930-х ГОДОВ**

Сыктывкар, 2019

УДК 930.2:332.82(470+571-89)"192/193"

ББК 63.2:63.3(2)61:85.118

М41 ме

Меерович М.Г., Меньковский В.И., Жеребцов И.Л. **«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД»: ИДЕЯ И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 1920–1930-х ГОДОВ.** Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2019. 72 с.

ISBN 978-5-89606-574-6

Монография посвящена исследованию сущности сталинской урбанизации на основе анализа и сопоставления данных, с одной стороны, о широко популяризированной в свое время официальной, «видимой» части деятельности системы политического и хозяйственного централизованного государственного руководства советским градостроительством, а с другой, – сведений, свидетельствующих о «неофициальных», непарадных реалиях исполнения архитектурно-строительных, планировочных, расселенческих мероприятий, содержащихся в отчетах о типологии и качестве массового жилищного строительства, состоянии инженерного оборудования поселений, обеспеченности жильем, наличии (а в основном, об отсутствии) объектов обслуживания, культуры, спорта, досуга и проч. Авторы подчеркивают, что в экспертных заключениях и протоколах заседаний о причинах отставания реальных темпов строительства от планировавшихся, в докладных записках советских, партийных органов и НКВД о фактических основаниях решений о размещении жилья при промышленных предприятиях раскрывается картина положения дел, далекая от официально-парадной.

Редколлегия

И.Л. Жеребцов (председатель), И.О. Васкул (зам. председателя), Е.А. Цыпанов (зам. председателя), Д.В. Милохин (отв. секретарь), Н.М. Игнатова, В.Н. Карманов, П.П. Котов, Ю.А. Крашенинникова, Т.Л. Кузнецова, А.М. Мацук, А.Г. Мусанов, П.Ю. Павлов, М.В. Таскаев, Ю.П. Шабаев

Ответственный редактор

доктор философии М. Шмигель (Университет Матяя Бела, Банска Быстрица, Словакия)

Рецензенты

д.и.н. Е.Ф. Кринко (Южный научный центр РАН, Ростов-на-Дону, Россия)
д.и.н. Т.С. Садыков (Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева,
г. Нур-Султан, Казахстан)

ISBN 978-5-89606-574-6

© **М. Г. Меерович,** В. И. Меньковский,
И. Л. Жеребцов, 2019
© М.Шмигель (редактирование), 2019
© Институт языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО РАН, 2019
© Фонд «Покаяние», 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

За время, прошедшее с момента распада Советского Союза, та часть российской исторической науки, которая исследовала сталинскую урбанизацию, осуществила беспрецедентный «прорыв» в советское прошлое, резко расширив и углубив объем знаний о движущих силах, экономических основаниях, организационных механизмах его формирования и, как следствие, процессах, предопределявших строительство и благоустройство новых, реконструкцию, расширения существовавших поселений.

До этого в специальной литературе по архитектуре, рассказывалось не более чем о 5–7 % того объема жилья, которое реально проектировалось и возводилось в виде многоэтажных кирпичных городских домов, а информация о качестве, типологии, планировочной организации остального жилого фонда, либо идеологически приукрашивалась, либо замалчивалась, либо целенаправленно искажалась, потому что писать о бараках и коммуналках, о временном обитании сотен тысяч людей в самострое – брезентовых палатках, обложенных дерном для утепления, в землянках, выкопанных в склонах оврагов, списанных железнодорожных вагонах, дощатых домах со стенами, засыпанными строительным мусором и проч., было совершенно недопустимо.

Причиной методологической и исторической несостоятельности написанных в советский период парадно-отчетных трудов, посвященных советской архитектуре и градостроительству 1920–1930-х гг., являлась ненадежность информации, часто невольно, часто вполне сознательно и преднамеренно фабриковавшейся советскими учеными и чиновниками в угоду официальным стереотипам публичного освещения событий.

Отсутствие исчерпывающих статистических данных, закрытый доступ к источникам, преднамеренное искажение фактов привели

к отсутствию правдивых знаний о реальных процессах проектирования и возведения поселений нового типа – «социалистических» городов (соцгородов), названных так в соответствии с наименованием нового политического строя.

Знания о фактических процессах формирования среды советских индустриальных городов-новостроек, о реальной типологии советского жилища, о содержании архитектурных замыслов и градостроительных идей, о трудностях их практического воплощения в период ускоренной индустриализации, когда, собственно, и зародилась доктрина соцгорода, до сих пор остается зоной, где властвуют старые шаблоны и штампы. При таком подходе совершенно непонятными оказываются мотивы и исходные предпосылки принятия высшим руководством страны предписаний в отношении социалистических городов и рабочих соцпоселков.

В предмете изучения сталинской урбанизации явственно проступают два очень неравных по объему массива разнохарактерного материала. Условно можно назвать их: «официальный» и «неофициальный». «Официальный» материал представлен явно и нарочито, так как на протяжении многих десятилетий страницы советских общественно-политических изданий и архитектурных журналов были изобильно наполнены фотографиями, проектами и описаниями новостроек – политически значимых для советской власти. На полках библиотек стояли ряды монографий, которые прославляли неустанную заботу партии и правительства о советском народе, направленную на формирование самой комфортной в мире среды повседневного обитания населения. Это была внешняя, «видимая» часть деятельности системы политического и хозяйственного централизованного государственного руководства советским градостроительством, официально и демонстративно презентовавшая лишь те аспекты, которые были выгодны власти.

Другая часть исторического материала – «неофициальная», представляет собой массив фактических сведений, свидетельствующий о реалиях исполнения архитектурно-строительных, планировочных, расселенческих мероприятий. Она представлена в отчетах о типологии и качестве массового жилищного строительства, состоянии инженерного оборудования поселений, обеспеченности жильем, наличии (а в основном, об отсутствии) объектов обслуживания, культуры,

спорта, досуга и проч. В экспертных заключениях и протоколах заседаний о причинах отставания реальных темпов строительства от планировавшихся, в докладных записках советских, партийных органов и НКВД о фактических основаниях решений о размещении жилья при промышленных предприятиях раскрывается картина положения дел, бесконечно далекая от официально-парадной. До сих пор эта часть исторического материала остается практически малоизвестной, слабо изученной, плохо систематизированной, очень фрагментарно введенной в научный оборот. Но именно в ней растворена и до сих пор сокрыта специфика урбанизации сталинского периода.

Неофициальный материал – тайная, неизведанная страница истории существования сталинского режима. Он разительно отличается от специально подбирившихся, а затем широко рекламировавшихся в 1920–1930-х гг. проектов и фотографий строительства поселений подле заводов-гигантов. Она до сих пор остается скрытой за завесой надуманных теоретических и идеологических объяснений. Данная монография является попыткой прорыва к подлинному пониманию сталинской урбанизации.

Издание осуществлено при поддержке Государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 годы в рамках Плана фундаментальных научных исследований Минстроя России и РААСН, тема 1.4.4/1.3.7. 2017–2018; Государственной программы научных исследований Республики Беларусь 2016–2020 гг. «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества», подзадание 1.1.02.5 «Современная европейская историография советской истории 1930-х гг.: традиции и новые исследовательские стратегии в Центральной и Восточной Европе; Программы фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 годы, направление 103 «Проблемы теории исторического процесса, обобщение опыта социальных трансформаций и общественного потенциала», тема «Социально-политические, социально-экономические и демографические процессы на Европейском Севере России (по материалам Республики Коми): новые источники и историография» (№ АААА-А17–117021310064–0).

ВВЕДЕНИЕ.

СССР 1920–1930-х гг.: ГЕНЕЗИС «СТАЛИНИЗМА»

Невозможно изучать историю советской урбанизации, не зная и не желая знать историю породившего ее советского общества, не замечая множественных фактов воздействия власти на архитекторов в ее стремлении заставить их занять свое место в едином строю «государственных служащих». Без изучения феномена «сталинизма», механизмов партийно-государственного управления невозможно понять особенности трансформации советского градостроительства и характер изменений его художественного и социального содержания.

Необходимо признать, что до сегодняшнего дня на вопрос о том, что такое сталинизм, нет простого или единственного ответа. В Советском Союзе схемы объяснений создавались многократно в зависимости от различных обстоятельств, точек зрения и опыта. Например, сталинизм как система, ассоциирующаяся с определенным политическим режимом и общественно-экономическим строем, назывался идеологами режима и политическими лидерами того времени социализмом. Но даже в то время в советском обществе различные группы вкладывали в понимание социализма разное содержание.

Конечно, интеллектуальное объяснение сталинизма не было работой одного поколения. Для каждой новой генерации сталинский период означал что-то иное. И хотя количество возможных «сталинизмов» не безгранично, поскольку система связана с определенными конкретными историческими составляющими, она чрезвычайно велика и сложна. Ни одно из известных определений сталинизма не охватывает всей совокупности фактов. Каждая формулировка включает в себя только часть из них, подбираемых в зависимости от определенного угла зрения.

В классической советской интерпретации истории СССР, т.е. в официальной сталинской версии, господствовавшей с середины 1930-х до середины 1950-х гг., феномен, который мы сейчас называем «сталинизмом», определялся как «строительство социализма». Обсуждение содержания этого понятия было ограничено цензурой и идеологическими рамками, а интерпретация вульгаризирована в пропагандистских целях. Тем не менее интеллектуальная основа в классической советской версии была. Она уходила корнями в марксизм и предположение, что экономический базис, прежде всего собственность на средства производства, является определяющим для политической надстройки, общественных и культурных институтов.

Таким образом, ключом к пониманию советского общества 1920–1930-х гг. являлась государственная собственность на средства производства. Она была частично установлена после Октябрьской революции и значительно расширена в конце 1920-х гг. после уничтожения городского частного сектора, принятия первого пятилетнего плана и установления централизованного государственного планирования. Коллективизация крестьянских хозяйств, осуществленная быстрыми темпами и с большим количеством жертв в первой половине 1930-х гг., уничтожила капитализм в сельском хозяйстве. В соответствии с марксистской теорией это были базовые предпосылки социализма.

Однако существовало и серьезное несоответствие классическому марксизму, предполагавшему безусловное уничтожение государства как аппарата насилия. Сохранение и усиление государства как аппарата насилия было обосновано опасностями «капиталистического окружения», а также угрозами со стороны скрывающихся внутри страны еще не уничтоженных классовых врагов. Сохраняющиеся внутренние и внешние угрозы оправдывали существование монополии коммунистической партии на власть, роль вождя в советской политической системе, усиление карательных органов. На этом фоне Сталин неизменно превозносился как продолжатель дела Ленина.

Сталинская пропаганда никогда не отражала реального положения дел. Она лишь ситуативно обосновывала повороты сталинской внутренней и внешней политики, проповедуя сегодня одно, а завтра – совершенно иное. Так, перед самым началом Большого террора 1937 г. против «внутренних врагов политического строя», была

принята новая советская Конституция 1936 г., которая провозгласила, что в основном все враждебные классы в стране были полностью уничтожены.

После XX съезда КПСС, осудившего «культ личности» Сталина и его злоупотребления властью, советская классическая модель сталинизма была заменена. Перечислив очень ограниченный ряд «ошибок» и «крайностей», совершенных Сталиным, власть направила все внимание только на его личность. Таким образом, ключом к пониманию сталинизма определялся сам Сталин – лидер, чьи патологические черты стали причиной «искажений социализма». Главное направление кампании десталинизации заключалось в демифологизации Сталина без демифологизации власти коммунистической партии. Теперь лично Сталин оказался причиной всех советских катастроф и неудач так же, как раньше он был причиной всех советских достижений.

В 1970-е гг. официальное советское отношение к сталинизму выражалось в том, что «ленинские нормы» были нарушены в «период культа личности». Для поколения, выросшего в сталинские годы и идентифицировавшего себя с большевистской революцией и коммунистической партией, возможность отделить Ленина от Сталина была психологически важным моментом. Ускоренная сталинская индустриализация, несмотря на ее стоимость и жертвы, понесенные населением, оценивалась как необходимая и «социалистическая». Без нее, по официальной версии, страна не могла бы вырваться из отсталости, не победила бы в войне с Германией, а затем, после Второй мировой войны не смогла бы выйти на передовые позиции в мире. Коллективизация была также необходима и в основном правильна, хотя допускались и «некоторые эксцессы» в отношении крестьян.

Процесс урбанизации, осуществленный в ходе реализации программы индустриализации, советская историография всегда трактовала как безусловный позитивный фактор развития советского общества [25]. Сталинская расселенческая политика в советский научной и публицистической литературе вообще никогда не подвергалась критике. В работах, написанных и изданных в советский период, процессы урбанизация оценивались исключительно как прогрессивные. Число новых городов и количество квадратных метров возведенного жилья, численность привлеченных на заводы-новостройки новых рабочих и служащих, количество семей, получивших новые квартиры

и прочие отчетные показатели являлись «наглядным доказательством» неуклонного прогресса и непрестанной заботы партии и правительства о «простых тружениках». Критика фундаментальных основ советской урбанизации не допускалась, а если и появлялась, то никогда не попадала в открытую печать. И не вина авторов панегириков в адрес советского градостроительства, что в силу господствовавшей в Советском Союзе идеологии они были вынуждены придерживаться допустимых цензурой стереотипов и шаблонов.

Лишь с конца 1960-х гг. в советской науке стало волнообразно нарастать критическое осмысление той технократической трактовки урбанизации, которая была реализована в СССР и воплотилась в тотальное подчинение системы расселения схемам размещения промышленно-производственных комплексов [11, с. 44].

Среди советского руководства постепенно нарастал плюрализм мнений и к концу 1980-х гг. единой точки зрения просто не существовало. А в 1990-е гг. – в годы перестройки позиция власти по отношению к сталинизму все в большей степени трансформировалась в сторону его неприятия и осуждения. Однако это уже не была единственно правильная официальная точка зрения. Впервые за весь советский период официальное мнение перестало быть обязательным для специалистов-исследователей. В эти годы среди советских историков доминировали два типа объяснения сталинской системы. Первое связывало генезис сталинизма с идеологической доктриной большевиков и однопартийной политической системой, установленной после революции, а также с запрещением наличия фракций внутри партии. Главной характеристикой сталинизма была репрессивная диктатура, а в целом сталинизм оценивался как продолжение ленинского этапа. Эта интерпретация была похожа на одно из стандартных западных объяснений в рамках тоталитарной парадигмы.

В другом варианте анализа обращалось внимание на социальные силы. Речь прежде всего шла о бюрократизации, создании нового бюрократического правящего класса, являвшегося квинтэссенцией сталинизма. Здесь прослеживалась связь с позицией многих европейских марксистов и западных историков-ревизионистов. Сторонники такой точки зрения предполагали, что единственной социальной опорой сталинизма была новая бюрократическая элита. Но высказывались и предположения, что сталинизм имел поддержку за ее пределами.

Такие идеи обсуждались осторожно, поскольку могли быть истолкованы как оправдание сталинских действий.

В постперестроечный период исследователи советской модели урбанизации все более безоговорочно стали трактовать ее как «провальную» [41, с. 102]. Потому что, как они писали, советской власти так и не удалось обеспечить реализацию важнейшей составляющей «урбанистического развития» – «человека с его разнообразными потребностями и возможностями». Они констатировали, что урбанизация в СССР не сумела «преодолеть резкое отставание СССР–России от общепринятых в развитых странах норм и стандартов образа и качества жизни горожан, их культуры, доходов, состояния городской среды и т.д.» [42, с. 104].

Однако критики упустили из виду тот факт, что советское руководство и не собиралось развивать «разнообразнейшие потребности и возможности» человека, не планировало достигать западных стандартов качества жизни горожан, не стремилось к обеспечению интенсификации общения, к разнообразию форм практической жизнедеятельности... Советская урбанизация являлась лишь «... побочным продуктом индустриализации, в отношении которой человек рассматривался всего лишь как «винтик» огромной государственной машины» [16, с. 210] – именно так трактовала марксистско-ленинская идеология роль трудовых масс и каждого отдельно взятого человека – служить тягловой силой, «движущим элементом» общегосударственной машины практического воплощения партийной воли. Именно так и относилась к человеку советская власть. Так целенаправленно и использовала его.

Дискуссии о феномене сталинизма неизбежно приводили к вопросу об исторической необходимости – был ли сталинизм неотвратимым этапом советской истории или его можно было избежать. Историки стали использовать концепцию альтернатив, что позволило вырваться из жестких рамок марксистских закономерностей и причинной обусловленности. По отношению к 1920–1930-м гг. это дало возможность концептуализировать советскую историю в терминах серии «решающих выборов» и моментов решения. Таким образом, исследователи отказывались от подхода, основанного на «единственной правде», характерного для традиционной советской историографии, и приближались к более свободной методологии, характерной для мировой исторической науки.

Так как англо-американские исследователи начали научное изучение сталинского периода значительно раньше своих советских коллег, они первыми стали использовать и определение «сталинизм». В силу политических причин «сталинизм» как исторический термин не использовался в Советском Союзе даже в первые «перестроечные годы». В феврале 1986 г. М. Горбачев в интервью французской газете «Юманите» говорил, что «сталинизм» был придуман антикоммунистами для атаки на социализм и Советский Союз» [6, р. 111]. Г. Бордюгов и В. Козлов отмечали, что термин «сталинизм», которого раньше сторонились, который вызывал исключительно отрицательные эмоции, который политики и обществоведы считали «не нашим», зазвучал в СССР в середине 1987 г. [12]. Однако следует подчеркнуть, что несмотря на отсутствие официального утверждения термина «сталинизм», он использовался и ранее. Например, в дневнике за 1930 г. М. Пришвин пишет о «ленинизме» и «сталинизме», подчеркивая разницу между ними [44, с. 179]. Иногда этот термин применялся и официальными лицами сталинского периода, хотя и в неофициальных документах. Так, Л. Каганович использовал его в переписке с членами политбюро ЦК ВКП (б) в 1935–1936 гг. В письме Г. Орджоникидзе 1936 г. он писал: «То что происходит, например, с хлебозаготовками этого года – это совершенно небывалая ошеломляющая наша победа – победа Сталинизма» [56, с. 151].

В англоязычной литературе первым по отношению к политике Сталина это определение употребил В. Дюранти, московский корреспондент газеты «Нью-Йорк Таймс», который использовал его в серии репортажей 1931 г. [5, р. 361]. Широкое распространение термина в академических кругах относится к периоду 1950–1960-х гг. Однако определенные разногласия, связанные с его значением, сохраняются в англо-американских исследованиях и поныне.

С. Коэн писал, что сталинизм – «ясно выраженный феномен со своей собственной историей, политической динамикой и социальными последствиями» [2, р. 4]. Но не все исследователи рассматривали сталинизм лишь в рамках исторического периода, ограниченного временем пребывания у власти Сталина (обычно 1929–1953 гг.). Часть специалистов посчитала возможным раздвинуть границы понятия «сталинизм» как за пределы Советского Союза, так и за время сталинского правления. Термин «сталинизм» применялся ими в ши-

роком смысле, в качестве синонима «коммунистической диктатуры». Так, Ш. Фицпатрик использовала «сталинизм» как удобный термин для характеристики новой политической, экономической и социальной структуры, возникшей в Советском Союзе после событий, связанных с коллективизацией и первой пятилеткой [4, р. 357]. А. Р. Такер считал, что сталинизм – это «историческая стадия в развитии российской и других коммунистических революций, и коммунизма как культуры» [8, р. 77]. С. Уайт определял сталинизм как форму диктаторской, централизованной и репрессивной власти, характерную для советской политики во время правления Сталина и для других коммунистических стран в определенное время [9, р. 245].

В сегодняшней Российской Федерации, как в целом в странах Центральной и Восточной Европы, произошло «возвращение к истории». История оказалась мобилизована на службу национальному единству, т.е. страны Центральной и Восточной Европы оказались на этапе «национализации истории», которые Западная Европа прошла в XIX в. [14]. Это привело к актуализации прошлого, повышенному вниманию к истории и ее активной политизации [13; 23].

Согласно социологическим опросам роль знания о прошлом в конструировании собственной идентичности россиян чрезвычайно велика. На вопрос о том, «что в первую очередь связывается у вас с мыслью о собственном народе», 48% респондентов выбрали ответ «наше прошлое, наша история» [28]. Среди деятелей прошлого на первый план возвращается Сталин, с именем которого россияне связывают образ Советского Союза как «сверхдержавы». Если в 1989 г. рейтинг Сталина в перечне величайших исторических личностей был 12% (Ленин – 72%, Петр I – 38%, Пушкин – 25%), то в 2012 г. он оказался на первом месте с 49% [52]. На вопрос, были ли оправданы жертвы, которые понес советский народ в сталинскую эпоху, великими целями и результатами, достигнутыми в кратчайший срок, положительный ответ дали 45% опрошенных в 2015 г. (в 2012 г. – 25%). Возросло и количество тех, кто считает смерть Сталина «утратой великого вождя и учителя»: если в 2010–2013 гг. так отвечали 18–19%, то в 2015 г. – 24% [51].

«Сталин скорее жив, чем мертв» – сделали вывод эксперты Фонда Карнеги [52]. Тема апрельского (2015 г.) номера журнала «Огонек» была сформулирована еще жестче – «Убийственно живой». Редак-

ция отмечала упорные попытки вернуть имя Сталина и на улицы, и в учебники [39, с. 16]. Итальянская исследовательница М. Ферретти в статье «Россия и сталинизм. Расстройство памяти» пишет о том, что «заороженность сталинизмом выдает сильнейшее давление прошлого, которое не хочет уходить в прошлое» [3, р. 43].

При этом россияне знают о преступлениях Сталина. Более 40% в ходе опроса заявили, что при Сталине были уничтожены миллионы и десятки миллионов людей. Отвечая на вопрос о том, «с чем у вас лично связывается смерть Сталина?», 55% выбрали ответ «прекращение террора и массовых репрессий, освобождение из тюрем миллионов невинных людей» [54].

Возникает вопрос, почему, при этом знании, Сталин стал *persona grata* для россиян? Возрождение культа Сталина не случайно, оно связано с комплексом причин. Одна из важнейших заключается в том, что имя Сталина связывают с победой в Великой Отечественной войне, т.е. с тем историческим символом, отношение к которому объединяет практически все российское общество.

Не менее важен еще один аспект истории памяти, который ассоциирует имя Сталина с представлением о «величии советской страны». Либеральные принципы, популярные среди российских элит и общества в целом в первые годы после распада Советского Союза, оказались отвергнутыми в сегодняшней России. В современном российском дискурсе преобладает имперское сознание и самыми популярными персонами прошлого становятся исторические фигуры, соответствующие имперской идее. Экстраполируя сегодняшнее положение России в мире на советское прошлое, респонденты в первую очередь ориентируются на символы державного престижа и оценивают сталинский период как время наибольшего могущества советского (российского) государства.

«Сталинский СССР был сильным государством, его боялись. В глазах людей, воспитанных советским временем, страх – синоним уважения» [59]. Сегодняшняя российская внешняя политика, поддерживаемая большинством российских граждан, как и «при Сталине», базируется на силе, и в этой ситуации Сталин естественно оценивается как образец государственного лидера. Б. Дубин, на основе анализа опросов общественного мнения, показал, что с середины 1990-х гг. более половины россиян признали страны Запада «противниками России,

которые стремятся решить свои проблемы за ее счет и при удобном случае нанести вред ее интересам», а западная культура, по их мнению, «оказывает отрицательное влияние на положение дел в России» [60].

Поскольку отношение к Западу и «западному образу жизни» в России становится все более негативным, представление о «советском образе жизни», как об образцовом, начинает превалировать у россиян. Т.е. изменение отношения к Сталину как символу советской эпохи тесно связано и с изменением отношения к самой эпохе. Значимым фактором этого процесса является «историческая политика» современной России. Термин «историческая политика» мы используем в значении набора практик, с помощью которых находящиеся у власти политические силы, используя административные и финансовые ресурсы государства, стремятся утвердить определённые интерпретации исторических событий как доминирующие [38].

Сегодняшняя российская историческая политика направлена на замену «травматической версии» отечественной истории, т.е. представление об истории как о цепи травм или одной сплошной травме. Основным способом преодоления травмирующего опыта является создание исторического нарратива, посредством которого прошлый опыт оформляется в определенную целостность, в рамках которой события приобретают смысл [46, с. 15].

Новая российская версия «героической истории», как и любая нациеобразующая версия истории, строится не столько на реальных событиях прошлого, сколько на исторических мифах. Т.е. на обобщенных представлениях о действительности, сочетающих нравственные и эстетические установки, соединяющие реальность с мистикой. Миф – это всегда представление в значительной мере иллюзорное, но в силу своей этической и художественной привлекательности оказывающее большое воздействие на массовое сознание [26, с. 332].

По мнению А. Святославского, «Сталин сегодня стал едва ли не самой яркой иллюстрацией того разрыва между реальным историческим лицом и его представлением в культурном поле, который и является предметом *memory studies*. Грубо говоря, сегодня каждый волен творить из Сталина то, что хочет» [49, с. 291]. Используя выражение редакции журнала «Ab Imperio», мы можем говорить об использова-

нии в современной исторической политике сталинизма в «лубочно-упрощенном изображении» [58].

Л. Гудков отмечал, что дело не в Сталине, а в мифе о сильном вожде, эффективном управляющем, генералиссимусе. По его мнению, в России ведется целенаправленная кампания по оправданию Сталина, «постоянная, тихая реабилитация» [55]. Компенсаторная самоидентификация с советским прошлым, отмечается в редакционной статье «Ab Impregio», предполагает не просто прославление могущества былых времен, но и отчаянную защиту «чести и достоинства» старого режима. В этом заключается важное отличие от аналогичных случаев приступов национальной гордости у других: речь в современной России больше не идет лишь о «славном прошлом»; оно актуализируется в современном политическом дискурсе и начинает диктовать логику поведения [58].

Изучение истории антигуманной сталинской системы, применявшей насилие в столь большом масштабе, накладывало серьезный эмоциональный и психологический отпечаток на работы исследователей. М. Левин и Я. Кершау справедливо писали, что сталинизм как предмет исследования представляется одним из наименее «возвышенных» по сравнению с другими историческими темами [7, р. 9].

Эмоциональная составляющая труда историка в данном случае неизбежна, даже если он прилагает все возможные усилия для сбалансированного и объективного изучения. Но это все равно история. И необходимо суметь объяснить то иррациональное, нелогичное, что присутствовало в жизни страны и, более того, поддерживалось частью общества, включая высокоинтеллектуальные слои. К иррациональному в прошлом человечества нужно относиться как к законному объекту изучения, используя для его анализа обычные методы исторического исследования. Только такой подход позволит понять происходившее, осмыслить его причины и последствия и даст надежду на предотвращение жестоких ошибок в будущем.

ОТКАЗ ОТ ИДЕИ «ГОРОДА-САДА»

Возникшая в конце 1890-х гг. идея города-сада, сформулированная британцем Эбенезером Говардом, получила широкое распространение во всем мире в начале 1900-х гг., прежде всего потому, что позволяла малоимущим слоям населения обрести собственное жилище, которое в существовавших городах и в условиях урбанистической политики того времени, они не имели возможности ни купить, ни построить. Основная причина этого – высокая стоимость земли, уже находящейся в чьей-то собственности. Выкупать территории под новое жилищное строительство приходилось по спекулятивно завышенным ценам и это приводило к тому, что конечная стоимость жилищ оказывалась непосильной для подавляющей части нуждавшихся в них.

Возведение новых поселений за чертой существовавших городов позволяло серьезно снизить расходы на строительство жилья. Кроме того, при строительстве на пустом месте упрощались: регулирование численности населения, нормирование размеров поселения, разбивка оптимальных по величине участков земли, рациональная планировка территории в целом, и проч. Но самое главное, обеспечивалась возможность комплексного возведения селитьбы, обслуживающей ее инфраструктуры, прокладки инженерных коммуникаций, устройства озеленения. В российской либеральной литературе планомерность застройки города-сада по заранее разработанному плану была одним из основных аргументов в противопоставлении этой инновационной идеи общепринятой практике неупорядоченного появления рабочих поселений при промышленных предприятиях – стихийно возникавших, а затем так же стихийно развивавшихся.

Социально-организационное содержание идеи города-сада заключалось в том, что строительство жилья в нем осуществлялось «для себя», а не «на продажу», чтобы избежать каких бы то ни было

спекуляций. Для этого создавалась специфическая организационно-управленческая форма – «жилищное товарищество». Вступившие в него рабочие и служащие, внося незначительные стартовые суммы, становились его коллективными совладельцами – акционерами (пайщиками). Собранный паевой капитал направлялся на приобретение земельных участков и постройку домов, а свободные суммы вкладывались в благоустройство территории и возведение объектов обслуживания или помещались под накопительные проценты в банки. Под гарантии государства, заинтересованного в уменьшении социального напряжения в обществе, жилищные товарищества получали в банках кредиты по предельно низким процентным ставкам.

Постепенно погашая свой облигационный долг и тем самым выкупая жилье, члены жилищного товарищества превращались в собственников домов и, в конечном счете, сам поселок постепенно становился коллективной собственностью его обитателей. Руководство процессами функционирования поселения-сада и распоряжение его территорией осуществлялось в виде общественного волеизъявления – текущая организационная работа велась публично избранным правлением, а важнейшие вопросы решались общим собранием, в котором на равных правах участвовали все собственники (акционеры).

В кооперативных поселениях-садах каждая семья, к какому бы социальному классу она ни принадлежала, получала во владение индивидуальный дом с участком земли (садом и огородом). Причем только один – приобретение нескольких строений для превращения их в доходные дома или в предмет продажи с целью наживы, законодательно запрещалось. Недопущение спекуляций с недвижимостью являлось основополагающим принципом существования кооперативного жилищного движения – членство в товариществе рассматривалось как способ индивидуального разрешения жилищной нужды, а не как форма бизнеса. Как следствие, в городах-садах (особенно, на первых этапах их развития) постройка многоэтажных жилых домов концептуально отвергалась.

В России популярность говардовской идеи среди городских слоев населения определялась аграрно-индустриальным характером российской экономики, сохранявшейся тесные связи горожан с сельским землевладением и привлекательностью жизненного уклада загородной усадьбы. Теоретическое и практическое осмысление планиро-

вочного и социально-организационного содержания идеи города-сада излагалось во многих российских трудах начала XX в.: Л.Н. Бенуа, Е.В. Виленц-Горовиц, А.К. Енша, В. Дадонова, М.Г. Диканского, Н.В. Дмитриева, Г.Д. Дубелира, В.С. Карповича, Б.Г. Кнатца, Г.П. Ковалевского, П.Г. Мижуева, Д.Д. Протопопова, В.Н. Семенова, Н.А. Сытенко, И.А. Фомина, З.Г. Френкеля и др.

Но если архитектурное сообщество и либеральная общественность воспринимали идею города-сада почти восторженно, то царское правительство – с большой опаской, поскольку она основывалась на общественном самоуправлении, к которому самодержавие относилось весьма настороженно. В градостроительной политике царского правительства хозяйственная целесообразность всегда отступала на задний план перед соображениями политического характера – власть была оппозиционно настроена к структурам городского общественного самоуправления.

В дореволюционной России основное – социально-организационное – содержание идеи города-сада часто игнорировалось и пригородные поселки, хоть и именовались «городами-садами», но к говардовской идее имели очень отдаленное отношение, потому что возводились без образования кооперативного товарищества, а владельцами земли и недвижимости становились не обитатели поселка, а строившие эти поселки владельцы фабрик или заводов. В этих случаях жилая площадь не переходила в собственность граждан, а лишь временно предоставлялась им в наем работодателем. Подобное означало, что при увольнении с работы сотрудники в обязательном порядке должны были освобождать квартиру. В тех поселениях-садах, которые возводились городскими управами, создание жилищного товарищества зачастую сводилось не к добровольному объединению малоимущих, а к «кооперированию дельцов», что с неизбежностью влекло спекуляцию земельными участками, и как следствие, приводило к росту стоимости жилой площади и, в конечном счете, невозможности ее обретения представителями малообеспеченных слоев населения, т.е. к невозможности реализации основополагающей цели города-сада – обеспечение неимущих собственным жильем.

В дореволюционной России при проектировании и возведении отечественных поселений-садов, несмотря на практическое воплоще-

ние художественно-планировочных принципов города-сада, вопросы социальных преобразований не решались:

а) ведомства, а также владельцы фабрик не были заинтересованы в практической реализации принципа самоуправления в результате передачи рабочим и служащим в собственность земли и недвижимости, так как теряли рычаги манипулирования людьми;

б) администрация городов, в границах которых создавались поселения-сады, выражала интересы строительного капитала, крупных землевладельцев и владельцев недвижимостью, которых интересовала прибыль, много эффективнее извлекавшаяся из многоэтажного строительства, нежели от возведения отдельно стоящих индивидуальных домов;

в) банковский капитал не стремился вкладывать средства в кооперативное жилищное строительство, так как гарантии возвращения денежных средств не были обеспечены существовавшим законодательством;

г) рабочее население в силу целого ряда причин не было готово в массовом порядке принимать участие в жилищной кооперации;

д) царское правительство с большой осторожностью относилось к социально-урбанистическим инновациям подобного рода, так как не желало передавать крупные фрагменты городской территории в ведение местного самоуправления.

В итоге, в дореволюционный период инициативы российской жилищной кооперации по возведению автономных и самодостаточных пригородных поселений-садов не получили такого широкого распространения, как в европейских странах. А те российские поселения-сады, которые все же были построены, не стали в отношении своего социального содержания типологически тождественными западноевропейским городам-садам, более того – оказались противоречащими их социальному замыслу.

В первые годы советской власти идея города-сада стала не просто популярной, она оказалась фактически единственной доктриной, которая наиболее соответствовала лозунгам, с которыми большевистское руководство пришло к власти. Она была: а) социально ориентирована на удовлетворение жилищной нужды малоимущих слоев населения, б) организационно отработана в предшествовавший период, в) многократно практически реализована, г) понятна и про-

зрачна в отношении государственно-частного финансирования, д) привлекательна для населения, притекавшего в города из сельской местности и т.п.

В условиях происходивших социальных преобразований: отмены частной собственности на землю, провозглашения приоритета общественных форм жизни и деятельности, обещаний власти о предоставлении трудящимся лучших, нежели прежде, условий проживания и т.п. – города-сады представлялись наиболее подходящим архитектурно-планировочным концептом. Более прогрессивных концептуально-теоретических архитектурно-градостроительных моделей попросту на тот период попросту не существовало.

Поэтому российские архитекторы, согласившиеся сотрудничать с новой властью, рекомендовали ей доктрину города-сада в качестве основы советской расселенческой политики, как в отношении реформирования существовавших городов за счет их разгрузки в результате возведения пригородных поселений-сателлитов, так и в отношении стратегии формирования будущей системы расселения – строительства самодостаточных поселений-садов для рабочих и служащих. Они надеялись, что большевики устранят все недостатки дореволюционных поселений и создадут подлинные города-сады – с комфортабельными индивидуальными домиками коттеджного типа, с участками земли, достаточными для устройства огорода и разведения домашней живности, позволяющими реализовать тягу к земле, присущую большинству российского маргинального городского населения, с государственным финансированием строительства, с общественным самоуправлением и т.п.

Архитекторы, проектировавшие в послереволюционный период (1918–1922 гг.): бр. Веснины, В.В. Воейков, П.А. Голосов, А.З. Гринберг, Л.М. Гуржиенко, Г.Д. Дубелир, В.Е. Дубовский, И.В. Жолтовский, А.И. Иваницкий, А.Д. Крячков, А.В. Кузнецов, А.Л. Пастернак, П.А. Парамонов, А.В. Самойлов, В.Н. Семенов, С.Е. Чернышев, А.В. Щусев, и многие другие, стремились в своих проектах поселков-новостроек обеспечить практическое воплощение наиболее привлекательных художественно-планировочных приемов города-сада: комплексность застройки и благоустройства, целостность композиции, единое пространственное решение. А главное – практически не реализованное в предреволюционной России социальное и эко-

номическое содержание – общественную собственность на землю, коллективные формы управления процессами градостроительства и текущей эксплуатации жилищ и поселения в целом, финансовую поддержку государства по возведению жилого фонда и инженерной инфраструктуры.

Инициаторами разработки проектов городов-садов в советской России в первые послереволюционные годы были три «субъекта» нового жилищного строительства:

1) советские ведомства (наркоматы), возводившие жилье для рабочих подле восстанавливаемых старых и строящихся новых промышленных предприятий, энергетических станций, железнодорожных узлов и проч.;

2) жилищная кооперация, реализовавшая частные инициативы по возведению индивидуального жилища для членов жилищных товариществ [33];

3) муниципальная власть, искавшая пути реформирования существовавших городов.

В итоге, в первые послереволюционные годы в России появлялось значительное количество проектов поселений-садов: рабочие поселки-сады для 10 крупнейших машиностроительных заводов (в сумме на 400–500 тыс. чел.); пригородные поселки-сады под Москвой для рабочих, поселение-сад на Шатурском Государственном болоте, поселок-сад «Красный Богатырь», Кожуховский поселок-сад: поселки-сады при Истоминской текстильной фабрике под Москвой; Каширской электростанции; станции Шилово; Чернореченском химзаводе Нижегородской губернии; Кизелковской электростанции; электростанции «Красный Октябрь»; при Бондюжском Волго-Камском химическом заводе вблизи Перми; паровозоремонтном заводе в г. Подольске; ткацкой фабрике в Ярцево Смоленской губернии и многие другие.

Однако совершенно неожиданно в 1922 г. идея кооперативного поселения-сада встретила резкое противодействие со стороны государственных органов, которые развернули кампанию публичной борьбы с идеей города-сада, мотивируя тем, что ее социальное содержание неразрывно связано с капитализмом [29]. Основным противником выступило Главное управление коммунального хозяйства НКВД (ГУКХ НКВД), которое на тот период являлось в Советском Союзе

главным органом, руководящим и контролирующим осуществление государственной жилищной и градостроительной политики. Причина противостояния заключалась в том, что советская власть, точно так же как и царское правительство, не допускала даже мысли о возможности существования в рамках формируемого ею нового расселения, какой бы то ни было социально-культурной и территориально-управленческой автономизации поселений, а тем более, их финансово-экономической самодостаточности, инфраструктурной автономности и самоуправления. Кроме того, официальная политика была резко нетерпимой к типу отдельно стоящего жилого дома с приусадебным участком (коттедж). Этот тип жилья рассматривался в рамках советской жилищной политики как абсолютно недопустимый для массового государственного строительства, поскольку наличие частной собственности на недвижимость и прилегающий к нему земельный участок разрушали формируемую новой властью тотальную жизненную зависимость людей от места труда. Наличие собственного, инфраструктурно автономного домовладения позволяло людям самостоятельно обеспечивать себя пропитанием за счет возделывания клочка земли или разведения домашней скотины и птицы, а также иметь деньги в результате самостоятельных занятий домашним ремеслом. А это освобождало их от необходимости искать работу исключительно в системе государственной промышленности или службы в советских учреждениях. И это делало их свободными от формируемой тотальной включенности в ведомственно-государственную систему распределения продуктов и вещей, которая не столько удовлетворяла прожиточный минимум и состав базовых бытовых потребностей, сколько выполняла важнейшую государственную организационно-управленческую функцию – ставила городское население страны в жесткую зависимость от административных органов, принуждающих к исполнению обязательной трудовой повинности, а также обеспечивающих учет и контроль нормированного распределения услуг по месту труда.

Советская власть и идеологически, и практически боролась с частным жилищем коттеджного типа, несущим индивидуализированный, обособленный быт. Она как могла ущемляла и законодательно, и финансово кооперативное движение, возводящее поселки-сады с отдельно стоящими домами посемейного заселения и тем самым

обеспечивавшее людям определенную степень независимости от власти.

Следствием борьбы ГУКХ НКВД с независимой жилищной кооперацией в середине 1920-х гг. за подчинение себе и тотальный контроль над всем новым жилищным городским и пригородным строительством, приоритеты государственной архитектурно-градостроительной политики резко сместились от индивидуально-кооперативной к ведомственно-государственной формы возведения новых поселений; а зона самостоятельности кооперативного движения была законодательно сужена настолько, что жилищная кооперация оказалась практически полностью подчиненной администрации промышленных предприятий, советских учреждений, а также органов городского коммунального хозяйства, входивших в систему ГУКХ НКВД.

Советская архитектурно-градостроительная политика, по мере укрепления советской власти, постепенно все в большей степени начинала отличаться от политики возведения городов-садов за рубежом и в России в дореволюционный период. В первой половине 1920-х гг., под влиянием формировавшийся системы нормативов проектирования, ведомственных рекомендаций и предписаний, экономических и организационно-управленческих реалий и проч. обстоятельств, постепенно складывался тот особый концепт поселений для рабочих, который некоторое время именовался в дискуссиях и текстах того периода «поселением-садом». Это наименование получило распространение потому, что архитекторы при проектировании новых поселений стремились придать им живописную планировку, обеспечить обильное озеленение за счет устройства бульваров и скверов, сформировать широкий состав зданий общественного назначения и т.п.

Но скоро проекты этих поселений, разрабатывавшиеся по заданию муниципальных и ведомственных органов управления при железнодорожных узлах, мануфактурах, паровозоремонтных мастерских, электростанциях, возводившихся по плану ГОЭЛРО, торфоразработках, реконструировавшихся, расширявшихся или строившихся производственных предприятиях и проч., даже внешне перестали походить на говардовские. А в отношении, лежащей в их основе социально-управленческой парадигмы, оказались диаметрально противоположными говардовским самоуправляемым, самодостаточным, самораз-

вивающимся поселениям-садам. Таким образом и сама проектная практика, и нормативное ее обеспечение, и оформляющая их теория эволюционировали к середине 1920-х гг. в специфический концепт поселения – «ведомственный рабочий поселок».

Главным отличительным признаком концепта советских ведомственных рабочих поселков от говардовских городов-садов было то, что их основной системообразующей характеристикой стала неразрывная связь с производственным предприятием, рядом с которым и для обеспечения которого рабочей силой эти поселки и строились. Именно производственное предприятие (фабрика, завод, шахта, рудник, паровозоремонтное депо, электростанция и проч.), получившее наименование «градообразующего», определяло потребное количество рабочей силы (которая, собственно, и слагала взрослую часть населения поселка); выступало в роли источника финансирования жилищного строительства; было единственным застройщиком зданий социальной, бытовой и культурной инфраструктур.

Эта доктрина была противоположна концепции городов-садов, которые, несмотря на наличие некоторого числа объектов местной обслуживающей промышленности, не имели собственной градообразующей базы (т. е. были лишены места приложения труда для подавляющей массы населения) – обитатели города-сада работали в близлежащем индустриальном центре, с которым поселение связывалось системой транспорта.

Архитектурно-планировочная организация советского ведомственного рабочего поселка могла быть как живописной¹, так и регулярной², но она всегда выражала «промышленно-селитебную» доктрину тем, что размещала градообразующий промышленный объект в центре планировочной композиции поселения, трактуя его как «смысловой фокус» пространственно-территориальной организации жилой зоны. Подчас место производственного объекта в центре

¹ Например, как в планировке поселений при паровозно-ремонтном заводе в г. Подольске и ткацкой фабрике в Ярцево Смоленской губернии; г. Люблино; в проектах планировки «Станционного поселка» для рабочих и служащих железнодорожной станции, мастерских и депо в Кашире и поселка рабочих текстильной фабрики на ст. Яхрома Савеловской ж.д.

² В поселке «Красный Богатырь», Кизелковской электростанции и электростанции «Красный Октябрь» и др.

поселения занимало «здание-заместитель»: заводоуправление или здание органа власти (горсовета, горисполкома и т. п.), или идеологически знаковое общественное сооружение (народный дом, театр, клуб и т.п.). Но суть концепции от этого не менялась и с середины 1920-х гг. подобное негласное правило приобрело силу неписанного закона, став непреложной основой проектирования любого ведомственного рабочего поселения.

К середине 1920-х гг. живописность планировки оказалась полностью отвергнутой, так как эстетика окончательно «проиграла» экономике – общегосударственное требование экономии средств заставляло архитекторов переходить к регулярной планировочной схеме (с укрупненным кварталом), потому что она позволяла сокращать: а) общую протяженность проездов; б) число проездов с односторонней ориентацией застройки; в) протяженность инженерных сетей (водных и канализационных). Все это в совокупности приводило к снижению расходов на благоустройство и инженерное оборудование территории, а в целом – к уменьшению общих затрат на строительство поселка. Кроме того, установка на экономию денег диктовала необходимость сокращения числа скверов, объезды вокруг которых невольно увеличивали общую протяженность улиц и, как следствие, стоимость работ по благоустройству.

Государственная градостроительная политика в середине 1920-х гг. являлась прямым следствием работы по назначению функциональных профилей и мощностей промышленных предприятий, которую осуществляли органы государственного планирования. В итоге, не стихия рынка, как в дореволюционный период, диктовала «потребное» количество населения, квалификационный состав рабочей силы и количество служащих, необходимых для эффективного функционирования системы поселкового обслуживания, а общегосударственные расчетные нормативы. Именно они, а не запросы населения, задавали объемы жилищного строительства и типологию домостроений. Этим советский рабочий поселок-сад кардинально отличался от говардовского города-сада, где каждая семья сама выбирала, какой площади дом себе строить, какого внешнего вида, как использовать сад или огород; а общее собрание членов кооперативного товарищества решало, каков будет бюджет поселения, как его распределять, каких инвесторов и с какими целями впускать на тер-

риторию поселка и т. д. В советском пригородном рабочем поселке и собственности на землю, и все источники развития: финансовые, материальные, технические и прочие, а самое главное, механизмы управления поселением были исключительно государственными, хотя и маскировались наличием якобы выборных органов местной власти.

Очень специфической в поселках, возводимых советской жилищной кооперацией, была и типология жилого фонда, которая материализовала социальную структуру общества и полностью отражала процессы, протекавшие в хозяйственной и политической жизни страны. Так, в первой половине 1920-х гг., особенно в начальный период НЭПа, государственная жилищная и градостроительная политика была направлена на активное вовлечение средств рабочих и служащих для самостоятельного разрешения ими жилищной нужды в форме строительства жилых домов силами советской жилищной кооперации. Как следствие, это выливалось в то, что жилье, возникающее в поселениях-садах жилищной кооперации, оказывалось аналогичным жилому фонду дореволюционных гомардовских поселений-садов – отдельно стоящие или попарно блокированные дома особнякового типа с надворными постройками и приусадебными земельными участками для сада и огорода. Очень быстро власть поняла это и стала извне «регулировать» и типологию домостроений, и рисунок планировочной структуры, и способ заселения (покомнатно-посемейный).

Ведомственный рабочий поселок не только был генетически неразрывно связан с производством, которое был призван обеспечивать трудовыми ресурсами, но и за счет исключительно государственной (государственно-ведомственной) формы владения, распределения и распоряжения жилищем и землей, осуществлял одну из своих основополагающих функций – прикреплял население к местам работы. В нем количество и профессионально-квалификационный состав населения, трудозанятого на градообразующем предприятии, регулировались за счет того, что распределение продуктов и вещей, оказание услуг (например, медицинское обслуживание, принятие детей в детские сады и школы и проч.) осуществлялись адресно – исключительно в отношении семей трудящихся.

Кроме того, ведомственный рабочий поселок осуществлял фильтрацию населения за счет целевого предоставления ведомственного или муниципального жилища – исключительно только тем, кто тру-

дился на градообразующем предприятии, либо работал в сфере поселкового обслуживания и управления. Жить в рабочем поселке и при этом не работать в системе государственного «народного» хозяйства, а вместо этого зарабатывать деньги самостоятельной ремесленной или предпринимательской деятельностью (как, например, в городе-саде) или кормиться с собственного приусадебного участка (как, например, в деревне), было запрещено. Тем самым архитектурно-градостроительными средствами в социалистическом рабочем «поселке-саде» воплощался базовый для всей советской системы принцип трудо-мобилизационной организации населения.

Во второй половине 1920-х гг. государственная градостроительная политика оказалась уже полностью подчиненной той программе индустриализации, которую разрабатывали органы государственного планирования. Проявилось это в том, что численность обитателей того или иного населенного пункта определялась не естественными процессами стихии жилищного рынка и не привлекательностью среды обитания, а общегосударственными расчетными нормативами, переводившими мощности промышленных предприятий и объемы выпускаемой ими продукции в показатели потребного количества рабочей силы и в предписания ее качественного состава и численности служащих, необходимых для эффективного функционирования системы поселкового обслуживания [35]. Именно эти параметры, а не запросы населения задавали реальные объемы финансирования жилищного строительства, предопределяли типологию домостроений и расчетные показатели распределения жилой площади для временного вселения в нее рабочих и служащих (исключительно, на срок работы на предприятии: «уволился – освободи жилье»).

Ведомственные рабочие поселки, возводившиеся в СССР в начале первой пятилетки являлись такой же моноструктурной градостроительной системой, как города-сады, и в том отношении были похожи на них. Сходными были: принципы зонирования, баланс территории, расположение за границами существовавших городов и т. п. Но резко отличались: а) наличием градоформирующего промышленного предприятия и его ролью в характере композиции планировочной структуры поселения; б) исключительно государственной (государственно-ведомственной) формой землевладения и землепользования; в) отсутствием у населения прав собственности на землю и недвижи-

мость; г) типологией зданий селитебной и административной частей. Последний пункт отличал рабочий поселок от городов-садов наиболее резко.

Таким образом в рамках советской (сталинской) стратегии урбанизации идея самоуправяемого автономно функционирующего города-сада [29; 32] была решительно и бесповоротно отвергнута, а концепция рабочего «поселения-сада» жилищной кооперации с усадебными домами для отдельной семьи заменена доктриной ведомственного рабочего поселка.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД В КОНЦЕПЦИИ

Советская урбанизация являлась всецело искусственным процессом. Потому что естественным образом – «само собой», в Советском Союзе не происходило никаких строительных процессов. Кроме, пожалуй, жилищного самостроя в деревнях и самовольного возведения «нахаловок»¹ на окраинах городов. В условиях централизованной командно-распределительной экономики, планового государственного лимитированного выделения финансовых и материальных ресурсов, строительных материалов, средств транспорта, квот на разработку природных ископаемых и, в конечном счете, трудозанятости, собственно, рабочей силы, любая даже самая крохотная стройка, а уж тем более строительство многоэтажного дома или нового цеха завода, не говоря уж о целых поселках или городах, было делом исключительно государственным, абсолютно подконтрольным власти и полностью управляемым ею.

Научные труды, появившиеся в последние десятилетия [47; 48; 50], позволяют сделать однозначный вывод о том, что советская урбанизация «сопровождала» милитаризацию, была вторичной по отношению к милитаризации. Партийное руководство страной уготовало системе расселения в СССР особую роль – служить средством, обеспечивающим размещение на осваиваемых территориях, трудовых ресурсов, концентрируемых здесь для комплектования милитаризованного «народного» хозяйства рабочей силой, формируемой из крестьянства, выталкиваемого коллективизацией на стройки пятилетки или избыточного городского населения, выдавливаемого декретами о введении паспортной системы и прописки.

¹ Нахаловка – строение, дом, сарай, времянка и т.п., возведенные без разрешения властей; возделываемый без разрешения участок земли.

Концепция сталинской урбанизации постулировала необходимость искусственного роста псевдогородского населения в результате принудительного перемещения раскрестьяненного деревенского в старые города, где оно опролетаривалось за счет включения в уже существующие трудовые коллективы промышленных предприятий, а затем в принудительном порядке перемещалось крупными, упорядоченными контингентами трудовых ресурсов (целыми бригадами) из существовавших городов на индустриально осваиваемые территории – в соцгорода-новостройки¹.

Эта концепция, именовавшаяся «концепцией социалистического расселения», теоретически обосновывала концентрацию населения в фокусах формируемой системы административно-территориального управления. Ее практическая реализация обеспечивалась за счет привязки населения к производству широким спектром средств: трудовыми книжками, дефицитом жилья, запретом на самовольный уход с работы, запретом на самовольный переезд в другой город, распределением и закреплением молодых выпускников высших и средних профессиональных учебных заведений, плановым направлением квалифицированных кадров специалистов на ударные стройки, пропиской, ограничением зоны проживания после отбытия срока заключения и проч.

Власть всеми силами стремилась исключить естественные миграции, а вместо них сформировать искусственные плановые целевые перемещения строго рассчитанных контингентов трудовых ресурсов. А существующие города, осмысленно и целенаправленно, превращала в эффективное средство «опролетаривания», т.е. вовлечения вчерашних крестьян в фабрично-заводской труд, с социально-ментальной «переработкой» их в «рабочих» и с последующим добровольно-принудительным прикреплением к местам нового трудоустройства на промышленных новостройках пятилетки. В результате осуществления плана «ускоренной урбанизации», неразрывно связанного с планом ускоренной индустриализацией – принятым под давлением И. Сталина в 1929 г., городское население за первую пятилетку увеличилось даже не на 10 млн чел., как это первоначально предполагалось, а на 13,9 млн чел.

¹ Концепция также предусматривала возможность перемещения некоторой части трудовых ресурсов непосредственно в места освоения, в соцгорода-новостройки.

В итоге, население соцгородов-новостроек оказалось сложным из:

а) крестьян, оторванных от привычного образа жизни; б) лишенцев¹, высланных с прежнего места обитания; в) «социально-чуждых» элементов, выданных из существовавших городов; г) отбывших наказание репрессированных, оставшихся на постоянное жительство рядом с бывшими зонами, а также д) бывших спецпереселенцев и трудопоселенцев, которым после освобождения некуда было податься; е) кочевых народов, принужденных к оседлому образу жизни; ж) наемных работников, подписавших контракты на работу; з) в приказном порядке командированных специалистов и направляемых на новостройки партийных, советских и технических руководителей различных рангов и т.п.

Коренное отличие городов нового типа – «социалистических», от городов прежней формации – «капиталистических», в том и заключалось, что они целиком и полностью являлись «продуктом» возникшей социально-политической системы, основанной на:

а) едином народнохозяйственном планировании состава и мест расположения новых производств и селитьбы при них;

б) централизованном финансировании и материально-техническом снабжении возведения новых поселений;

в) новых принципах пространственно-территориального расположения промышленности в отношении к располагавшейся подле нее селитьбы для размещения трудовых ресурсов;

г) искусственно внедряемых формах организации внутригородской жизни и деятельности;

д) «распределительном» характере системы обслуживания и нормативно-регламентированном создании досуговой инфраструктуры;

е) специфической жилищной политике, направленной на формирование в городской среде за счет коммунального жилища тех общинно-коллективистских форм быта, которые были привычны для подавляющей массы еще вчерашнего крестьянского маргинального населения, превращаемого в «рабоче-слободское».

¹ Лишенец – неофициальное название гражданина СССР, лишённого избирательных прав в 1918–1936 гг. согласно советским Конституциям 1918 и 1925 гг.

При этом, если принудительные миграции, основательно изучались историками в контексте раскулачивания и массовых депортаций крестьянского населения [15; 20; 21; 27; 43; 53; 57 и др.], то они практически никогда не рассматривались учеными-урбанистами в связи с советской концепцией расселения – как инструмент целенаправленного и планового формирования трудовых ресурсов поселений-новостроек: соцпоселков и соцгородов, а также контингентов рабочей силы в местах ресурсодобычи. Коллективизация фактически никогда не изучалась как процесс целенаправленного превращения крестьянства, отрываемого от земли, от привычных форм хозяйствования и образа жизни, в универсальную рабочую силу с плановым ее перемещением в места отправления принудительного труда в промышленности, строительстве, лесозаготовках, добыче природных ископаемых и проч. А именно такой профиль трудового использования предопределяла власть для раскулаченных крестьян и спецпереселенцев – к концу 1930-х гг. в комендатурах ГУЛАГ половина спецпереселенцев работала в сферах промышленности и строительства, четверть на лесозаготовках, а оставшаяся четверть – в сельском хозяйстве. Роль ГУЛАГ в формировании системы поселений на ранее неосвоенных, пустовавших, транспортно-недоступных территориях, остается малоизученной.

Система расселения в СССР изначально формировалась как неразрывно связанная, но вторичная по отношению к структуре промышленного производства, лежащего в основе административно-территориального деления. В итоге, в Советском Союзе вовсе не урбанизация (как на Западе) инициировала появление объектов энергетики, транспорта и приводила к расширению производства. А наоборот, возведение объектов энергетики вызывало потребность строительства вокруг себя энергоемких промышленных производств, которые, в свою очередь, требовали привлечения трудоспособного населения. Советская урбанизация, «заточенная» под централизованную иерархически выстроенную систему партийно-государственного управления, была лишь побочным «продуктом» расширения инфраструктуры ресурсодобычи, возведения предприятий по переработке сырья, обогащению, перегрузке и транспортировке сырья и полуфабрикатов; следствием развертывания систем транспорта и энергетики, нуждавшихся в управляющих и технических центрах.

В основе советской урбанизации лежала задача создания структуры такого «территориально-административного управления», которое основывалось на формировании «центров концентрации пролетариата», целенаправленно превращаемых в административные ядра новой структуры расселения. В роли центров концентрации пролетариата в рамках концепции соцрасселения выступали соцгорода-новостройки. Они представляли собой селитьбу при промышленных гигантах. Формировались они, как правило, в отдалении от существовавших крупных городов (трактовавшихся как базовые, опорные пункты нового расселения – фокусы «пролетаривания» крестьянского населения); а располагались – в слабо освоенных, либо вообще пустынных территориях с целью заполнения их населением (кстати, эта политика продолжалась потом долгие годы). Именно поэтому соцгорода-новостройки в специальной литературе подготовительного периода индустриализации именовались «расселенческими упорами». Именно под цель равномерного распределения по территории страны искусственно формируемых мест узловой концентрации населения и изламывалась – осмысленно и целенаправленно – дореволюционная структура хозяйственного районирования.

Исследователи советской урбанизации указывают на то, что темпы территориальной концентрации населения опережали «процессы адаптации вчерашних сельских жителей к городскому образу жизни, усвоение ими городской культуры, новой системы ценностей» [42, с. 102], видя в этом «непоследовательность» воплощения урбанистической модели, ее негативные моменты. Однако в соцгородах-новостройках никакой «городской культуры» и не было. А была лишь грязь по колено и деревянные настилы-тротуары, которые в период весенней-осенней распутицы кидались прямо сверху на раскисшую глину, чтобы пешеходы могли хоть как-то перемещаться и не тонуть в тестообразном месиве размякшей от дождя почвы (а потом – весной после того как прошедшей осенью эти деревянные мостки окончательно тонули в грязи, поверх их накладывалась очередная партия таких же «тротуаров»). В жилищах соцгородов не было ванн и индивидуальных кухонь; воду население получало от водозовов или, в лучшем случае, из квартальных водоразборных колонок. Не было внутренних туалетов – они располагались на улице, в отдельно построенных деревянных сооружениях на 8–12 не разделенных пере-

городками посадочных мест с одной лишь дощатой стенкой между мужским и женским отсеками.

Какую особую «городскую культуру» и «новую систему ценностей» и от кого в этих условиях должны были «усваивать» вчерашние сельские жители, да так и не усвоили, что потом плохо сказалось на «состоянии урбанизации»? Никто в руководстве страной и не планировал «адаптировать» крестьян-мигрантов к городскому образу жизни. Да такого «городского» образа жизни и не существовало в соцгородах-новостройках, которые на 90% были застроены бараками (рассчитанными на вселение по 60–80–120 чел. в каждый) и которые на 90% заселялись коммунально.

Баракки совершенно не случайно превратились в основной тип массового жилищного строительства в соцгородах-новостройках первых пятилеток. Прежде всего, потому что государственная политика предполагала разворачивание такой типологии жилища, в рамках которой основная масса трудового населения (90–95%) должна была обитать в «хороших, дешевых, удобных казармах»; незначительная часть технических и прочих специалистов (13–15%) – в коммунальных квартирах 1-, 2-этажных деревянных домов или 3-, 4-этажных кирпичных; а высшее партийно-советское руководство (2–5%) – в наиболее комфортном жилище – отдельных квартирах или даже в коттеджах-особняках)¹. А также потому, что барачно-коммунальный, сверхуплотненный быт всемерно способствовал догляду и доносительству, поскольку обеспечивал в отношении основной массы населения «прозрачность» образа жизни и, как следствие, постоянный контроль над повседневным поведением и строем мыслей. Но самое главное, планировочное членение селитьбы на барачные поселки, скомпонованные в «кварталы», обеспечивало территориальное упорядочивание населения, руководимого и контролируемого локальными партийными органами и заводскими партийными комитетами; облегчало не только руководство трудовыми процессами через совместное обитание в одном бригадном бараке, но и контроль над процессами бытовыми; позволяло вести точный учет количества и «качества» обитателей населенных пунктов; упрощало привлечение к отбытию трудовой обязанности и учет для призыва на военную службу [36].

¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 113. Д. 851. Л. 122–122 об.

Ученые, исследовавшие процессы урбанизации в СССР, писали о том, что «подлинная» урбанизация всегда связана с «вложениями в человека» [42, с. 109]. А советская, мол, являлась «неподлинной», недоразвитой, недоформировавшейся, потому что в ней «вложения в человека» были недостаточными. Как серьезную претензию к советским урбанистическим процессам, они фиксировали разрыв между количественными показателями переселения масс деревенского населения в города и утверждением городского образа жизни как феномена культуры [41]. А также тот факт, что быстрый рост городов и концентрация населения в индустриальных центрах, происходили на фоне сохранения традиционных особенностей российского общества – архаично-экстенсивного характера городской деятельности, сельского общинного сознания «новых горожан», их аграрного менталитета, низкого уровня жизни [42, с. 102]. Эти оценки верны. Но именно так все и задумывалось! Ничего иного властью и не планировалось!

Отечественные социологи, рассматривавшие и критиковавшие советскую урбанизацию с точки зрения «антропокультурного подхода», писали о том, что в СССР и расселение людей, и их быт, и культура в рамках официальной градостроительной политики трактовались как функция производственных процессов [61]. Однако в этом заключалась вовсе не слабость советской расселенческой доктрины, а ее сила – ее уникальная специфика. Пусть и негуманная, а в некоторых проявлениях даже античеловечная, зато крайне эффективная для формирования малозатратных, планомерно организуемых в масштабе всей страны цепочек производственных процессов.

В СССР именно «материально-производственное», а вовсе не «антропокультурное» содержание было положено в основу урбанизации. В результате, советские города оказались очень далеки от западного идеала урбанистического поселения, сочетающего в себе разнообразие форм быта, отдыха, культуры, досуга, развлечений и проч., направленных на удовлетворение все более расширяющихся потребностей горожанина. Они являли собой огромную, как правило, неблагоустроенную малоэтажную рабочую слободу, расползшуюся вокруг завода-гиганта, с центральными площадями (заводской и общегородской) и расходящимися от них одной-тремя центральными улицами, обстроенными зданиями, архитектурно оформленными в стиле «ста-

линский амфир». На фоне этой картины довольно странно сетовать сегодня на то, что в советской урбанизационной модели мало оказалось того, чего там вообще не должно было быть. Совершенно бессмысленно призывать, как это делают некоторые ученые [42], к необходимости применения «антропокультурного подхода» в качестве основного методологического средства для оценки реальных итогов российской урбанизации, если именно он генетически абсолютно не соответствует этой задаче.

Методологические основания изучения урбанизации в СССР нуждается в коренном пересмотре. Они требуют выработки особой «исследовательской оптики». Основанной не на сопоставлении с закономерностями урбанизации в капиталистических странах, а на выявлении той специфики урбанистических процессов в СССР, которая была неразрывно связана, с одной стороны, с марксистско-ленинской идеологией, а с другой – с реализацией программы формирования военно-промышленного комплекса – с принудительным комплектованием «промышленных» трудовых ресурсов (в том числе и за счет коллективизации) и их насильственным перемещением на стройки пятилетки; развертыванием общегосударственной системы жизнеобеспечения трудящихся; формированием среды обитания, предусматривавшей обеспечение лишь минимального уровня жизненных условий; созданием системы расселения с искусственно формируемыми центрами узловой концентрации населения в фокусах административного управления территориями и т.п.

При изучении характера советской урбанизации следует окончательно и бесповоротно принять за исходный методологический постулат тот факт, что все без исключения процессы градоформирования в Советском Союзе, с конца 1920-х – начала 1930-х гг. оказалось, по образному выражению Ю.Л. Пивоварова, накрепко «пристегнутым» к форсированной индустриализации, а соцгорода являли собой, прежде всего, «тару» для размещения «персонала» [10]. Урбанизация сознательно была превращена властью в «попутчика» промышленного, энергетического и транспортного строительства и ресурсодобычи и оставалась таковой фактически все годы существования СССР. Советская урбанизация осуществлялась исключительно благодаря особому «государственному движущему механизму» [42], в рамках которого директивно-плановая экономика сознательно и целенаправленно

превратила процесс градоформирования в форсированно-ускоренное следствие индустриализации.

Следует однозначно констатировать, что ни о каком сходстве урбанизации (градостроительной политики) в СССР, с одной стороны, и в остальных странах мира, с другой, не может быть и речи. Поскольку не существовало никакой общности идей и методов планировочной деятельности в СССР и в странах капитализма. Не только из-за того, что урбанизация в СССР осуществлялась «искусственно-принудительно», но прежде всего потому что она сознательно и целенаправленно формировалась как «антикапиталистическая».

Сталинская урбанизация являлась прямым следствием программы формирования военно-промышленного комплекса, именовавшейся программой индустриализации, которая начала разрабатываться в Советском Союзе в 1926–1927 гг. Эта программа основывалась на районировании промышленности, как основном моменте, определяющем необходимость сосредоточения населения в определенных районах и в нужном количестве. Она предписывала, сколько, в каких местах и какого производственного профиля следует построить фабрик и заводов для формирования единой технологически системы военных, а также технологически неразрывно связанных с ними гражданских производств, способной максимально быстрыми темпами обеспечить выполнение государственной программы производства современной военной техники. А для этого – в каких местах добывать необходимые объемы природного сырья, обогащать и перерабатывать его, транспортировать, обеспечивать производство электроэнергией и, в конечном счете, заселять новым населением пустующие территории, тем самым осваивая их.

В ходе разработки программы индустриализации в середине 1920-х гг. был осуществлен коренной пересмотр базовых принципов дореволюционной модели географического размещения промышленности, а также характера административного членения территории страны. И, собственно, именно это решение кардинальным образом трансформировало традиционный подход к расселению.

В ходе разработки первого пятилетнего плана было принято стратегическое решение о переносе промышленной базы из европейской части страны на вновь осваиваемые территории: Урал, Сибирь, Се-

вер, Дальний Восток. Это решение было predeterminedено четырьмя основными причинами.

Первая заключалась в том, что в случае войны для расположенной в европейской части СССР промышленной базы возникали слишком большие риски ее уничтожения авиацией противника. А вот на Урал, в Сибирь, на Дальний Восток не могли долететь самолеты ни одного из вероятных противников с европейского театра военных действий, поскольку даже у самых мощных бомбардировщиков не хватало ресурса дальности беспосадочного перелета с учетом необходимости возвращения на аэродромы базирования. Заметим, что грядущая война полностью подтвердит эти прогнозы – военно-промышленные производства на Урале и в Сибири ни разу не будут подвергнуты бомбежкам.

Вторая причина – формирование принципиально новой энергетическо-производственной доктрины, нежели той, которая была реализована планом ГОЭЛРО¹. До революции российская промышленность основывалась на «паровой» энергии и традиционно располагалась в местах залегания основных энергоносителей: угля, торфа, сланцев, газа, древесины, потому что паровая энергия не передавалась на значительные расстояния. Руду сюда доставляли, так как это было выгоднее, поскольку она занимала значительно меньший объем, чем транспортировка угля. В дореволюционной России в целях выработки паровой энергии также использовались сырая нефть и мазут. Но понимание того, что нефть – ценнейшее сырье для химического производства и, в частности, для выработки горючего для двигателей внутреннего сгорания, еще в дореволюционный период было выдвинуто требование отказа от использования нефти (и отбрасываемого газа) в качестве топлива для получения паровой энергии и сосредоточения усилий на развитии технологий современной химической переработки. В послереволюционный период план ГОЭЛРО осуществил практический переход от «паровой» энергии на новый ее вид – электрическую, потому что в отличие от пара ее можно было передавать на значительно большие расстояния и, следовательно, относить

¹ План ГОЭЛРО – первый единый государственный перспективный план развития народного хозяйства Советской России на основе электрификации страны, разработанный в 1920 г. Государственной комиссией по электрификации России (ГОЭЛРО).

размещение производств на большую удаленность от источника электроэнергии – радиус эффективного расположения промышленных предприятий расчетно определялся в 125 км. Правда, при этом электроэнергия по-прежнему вырабатывалась за счет традиционных энергоносителей: угля, торфа, дров,

В середине-конце 1920-х гг. проект ГОЭЛРО был кардинально переработан, потому что новая промышленно-энергетическая политика утвердила кардинально иные, недели ранее, принципы размещения промышленности – зоны размещения новых промышленных предприятий («кластеров», как сказали бы сейчас) «отрывались» от мест залегания традиционных энергоносителей (торфа, угля, дров, нефти) и переносились к местам залегания сырья, на территории с уже разведанными в дореволюционный период месторождениями полезных ископаемых. А поскольку реки Урала и Сибири несли колоссальную мощь природной стихии, постольку именно здесь намечалось возведение гидро- и теплоэлектростанций, призванных обеспечивать эту новую промышленность необходимой электроэнергией.

Размещение новых ареалов военно-промышленной индустрии в глубине страны ближе к природным ископаемым и источникам электроэнергии, также позволяло серьезно уменьшить транспортное плечо, поскольку давало возможность транспортировать уже готовую продукцию, вместо того чтобы таскать по территории страны миллионы тон руды, угля, древесины, нефти и проч.

Третья причина основывалась на выводах анализа, проведенного по заданию Госплана еще на начальных этапах разработки программы индустриализации, который показал, что реконструировать имеющиеся в России промышленные предприятия бессмысленно, потому что технологии и жестко связанные с ними корпуса промышленных предприятий безнадежно устарели, новые технологии требуют других площадей, других пространственных решений цехов и вообще принципиально иных типов зданий.

Было принято решение – дать возможность старым промышленным предприятиям доработать до полной амортизации оборудования и цехов, постепенно выводя трудовые ресурсы на новые производства, современные корпуса которых должны возводиться с учетом самых передовых, закупленных за рубежом производственных технологий. А еще лучше строить новые промышленные предприятия

на пустом месте, без обременения старыми строениями, инфраструктурой, подъездными путями и проч. С точки зрения экономики и трудозатрат, эта стратегия представлялась значительно более выгодной, нежели модернизация старых фабрик и заводов.

Таким образом, решение о заимствовании оборудования и технологий оказалось результатом осознания хронического технологического отставания СССР от зарубежных стран. Выбор стратегии «догоняющей индустриализации» и использование (приспособление) достижений мировой техники и технологии действительно позволил Советскому Союзу сэкономить 10–15 лет в своем развитии.

Четвертая причина связана с решением верховной власти об «автаркии» – автономном и самодостаточном, изоляционистском развитии страны. Это был итог широко дискутировавшегося в период разработки программы индустриализации вопроса об отношении к мировой системе разделения труда; о целесообразности или нецелесообразности включения экономики страны в мировую экономику, в производственную кооперацию с другими странами.

Если следовать заповедям Д.И. Менделеева (сформулированными почти за 30 лет до старта разработки программы индустриализации), то максимально полноценное включение в мировую систему разделения труда выступало обязательным требованием развития России. И исходя из этого, промышленность нужно было располагать ближе к морским и речным портам для формирования более тесных торговых связей с соседними странами. Однако вопрос включения СССР в мировую систему разделения труда создавал ряд очевидных проблем. В частности, в случае войны это ставило страну, зависевшую от кооперативных поставок оборудования, технологий, стратегического сырья, комплектующих и проч., в ситуацию разрыва и утраты производственно-технологических связей. Руководство СССР в качестве «субъекта» развития страны рассматривало исключительно советское государство, а не отечественных предпринимателей, возрожденных введением НЭП или иностранных концессионеров (иностранных предпринимателей), которые были выдворены из СССР вместе со сворачиванием НЭП. А поскольку руководство Советского Союза считало новую мировую войну неизбежной, постольку, чтобы не оказаться в случае ее начала в катастрофической зависимости от «поставщиков» и «партнеров», было принято стратегическое решение

о максимально полном выключении СССР из системы международного разделения труда.

Эти четыре основания решения о переносе промышленной базы из европейской части страны на Урал, а особенно в Сибирь, Север, Дальний Восток и постановка задачи формирования здесь новых «эшелонов» военно-промышленных предприятий предопределили возникновение серьезной проблемы – отсутствия здесь необходимого количества и качества трудовых ресурсов. Потому что в отличие от европейской части СССР плотность заполненности населением территорий, намеченных к освоению, была исчезающе малой – менее 0,5 чел./га. А для строительства новых фабрик и заводов, для разворачивания неразрывно связанных с промышленностью зон ресурсодобычи, возведения энергетических, транспортных объектов, предприятий первичной переработки сырья, формирования ареалов производства сельскохозяйственной продукции (для обеспечения едой заводских рабочих и членов их семей) и проч. нужны были значительные массы трудоспособного населения. Так, например, Госплан определял потребность первой пятилетки в рабочей силе в размере 10 млн. чел. На местах этого количества рабочей силы не было. И советская власть вынуждена была разрабатывать специальные мероприятия по принудительному перемещению на осваиваемые территории крупных масс трудовых ресурсов [1]. А это означало – строить здесь же – на пустом месте, новые рабочие поселения для размещения перемещаемых сюда трудовых ресурсов. Программа индустриализации продиктовала политику урбанизации.

Следует отметить, что подобная методология административно-территориального районирования и сопровождавшая его градостроительная политика являлись совершенно инновационными для России в сравнении с дореволюционным периодом. Они, как и вся стратегия госплановских разработок, была преобразовательной по отношению к существовавшей пространственной конструкции страны. Этот подход целенаправленно противопоставлялся прежнему, «познавательному», основанному на изучении местных факторов и выявления статистических данных о естественных тенденциях развития.

Новая модель размещения структуры промышленного производства по территории страны и неразрывно связанная с нею урбанистическая доктрина основывались на непреложном для марксистско-

ленинской идеологии постулате о том, что административные центры управления населением и территориями, к которым оно прикреплено, должны располагаться в тех местах, где существует (или искусственно создается) максимальная концентрация пролетариата. В рамках этой урбанистической модели концентрируемый в городах пролетариат составлял основу формирования трудовых, а также военных подразделений, формировавшихся из местного населения администрациями территориальных единиц – местными советами рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов. Именно места концентрации пролетариата («пролетарские центры») рассматривались в рамках большевистской доктрины расселения как фокусы притяжения для окружающих сельскохозяйственных ареалов и проживающего в них крестьянского населения.

Пролетарские центры, объединяемые производственно-хозяйственными связями вместе с прилегающими к ним «непролетарскими» зонами в единые территориально-производственные системы, определяли ареалы мобилизационно-политического членения территории. Несовпадение, в ряде случаев, мест размещения прежних центров власти (губернских, уездных и проч.) с местами планируемой концентрации пролетарского населения формируемой системы расселения требовало увязать будущие административные фокусы власти с местами сосредоточения пролетариата. Прямым следствием реализации этого явились предложения по созданию крупных индустриально-пролетарских центров на основе уже сложившихся и существовавших производственных центров – Большая Москва, Большой Ленинград, Большое Запорожье, Большое Магнитогорье и др.

Новое административно-хозяйственное районирование кардинально реформировало прежнее: а) формировало новые зоны ресурсодобычи и приближенные к ней ареалы размещения новых промышленных комплексов; б) перераспределяло трудовые ресурсы по территории страны; в) реструктурировало всю транспортную систему; г) создавало новую энергетическую сеть; д) изменяло конфигурацию хозяйственно-экономических единиц; е) трансформировало существовавшие административно-территориальные единицы и инициировало возведение новых населенных мест для дислоцирования перемещаемого сюда нового населения и формирования населенных пунктов в функции «очагов управления».

Воплощение нового административно-хозяйственного районирования было не совсем прямолинейным из-за того, что невольно вошло в противоречие с другим принципом концепции соцрасселения, заключавшимся в том, что вовсе не пролетариат, сам по себе, был «организующим началом». Управляющей структурой страны являлась иерархически выстроенная система партийных организаций. И главной, первостепенной и наиважнейшей задачей власти в программе индустриализации являлось формирование такой партийно-государственной структуры на осваиваемых территориях, которая была бы способна концентрировать финансовые, материальные, человеческие и проч. средства для достижения производственных целей сверхбыстрыми темпами. В рамках концепции социалистического расселения объект партийного руководства однозначно оказывался первичен по отношению к экономическому объекту. Как следствие, осуществляющееся территориальное районирование хоть и называлось экономическим, на деле же являлось управленческим.

В основу подхода к разбиению территории страны на новые административно-территориальные единицы было положено требование, с одной стороны, пропорционирования численности членов партии на территории, а с другой – беспартийных и, как следствие, несознательных масс населения, охватываемых организующим влиянием этих членов партии и мобилизуемых для выполнения трудовой повинности, а в случае необходимости – несения военной службы. Выделение территориальных единиц с учетом баланса численности партийного и беспартийного населения, а также всех названных выше условий: а) наличие промышленного «ядра», б) зоны привязанного к производству населения, в) сырьевых регионов, обеспечивающих промышленность, г) транспортных ареалов, обслуживающих производственные связи, д) энергетических структур, е) распределительной системы и т.п. с учетом соразмерности по количеству населения с другими подобными единицами, отодвигает реализацию проектов «Больших городов», перенося в конце 1930-х гг. основной упор на формирование «поселений особого социалистического типа», возводившихся в зонах освоения, фактически на пустых местах. Эти поселения – опорные узлы формируемой централизованной, вертикально интегрированной хозяйственно-управленческой структуры, именовавшиеся в начале разработки программы индустриализации

(во второй половине 1920-х гг.) «пролетарскими упорами», представляли собой практически такие же рабочие поселки, какие строились ведомствами возле реконструируемых или возводимых промышленных предприятий. Только несколько большие по численности населения и, следовательно, по площади занимаемой ими территории.

Сознательно закрепляя за новыми крупными индустриальными (пролетарскими) центрами роль опорных узлов единого государственного производственно-распределительного процесса и присваивая им функцию центров территориальной организации населения, власть тем самым выстраивала систему партийно-административного управления, считая ее важнейшим атрибутом государственности. При этом вопросы формирования комфортной среды обитания отходили на второй план или вообще не ставились, а лишь идеологически провозглашались. Окраинные и слабозаселенные территории страны заполнялись новым населением не благодаря созданию здесь более привлекательных, более качественных условий жизни, а за счет приказного перемещения рабочей силы, демобилизованных красноармейцев, ссыльнопереселенцев, трудомобилизованных.

Промышленно развитые центральные районы использовались как базовые для социально-культурной переработки в пролетариат крестьянского населения, выдавливаемого в города коллективизацией. А срединные и северные, практически пустующие части страны, являвшиеся вмещилищем разнообразных природных ресурсов, входили в программу индустриализации в качестве территориальных ареалов, которые следовало осваивать, в основном, усилиями лиц принудительного труда.

Главной задачей создания новой пространственной конструкции страны являлось обеспечение «экономического сжатия пространства». Достигалось это за счет «магистрализации» (оптимизации транспортной сети, повышения скорости движения и провозоспособности), а также «агломерирования» (т. е. повышения доли коротких связей в производственных процессах и расселении). Не подозревая о наличии термина «агломерация» (да его и не существовало в тот период), советская власть в точном соответствии с теоретическими признаками, которые будут сформулированы много позже, создавала в базовых ареалах расселения локальные сконцентрированные урба-

низированные территории, впоследствии, заметим, довольно хаотично развивавшиеся.

Специфической особенностью советской урбанизации было то, что если во всем мире рост больших городов и агломераций являлся результатом их естественного постепенного роста (вопреки усилиям властей сдерживать этот рост), то развитие урбанизации в Советском Союзе в 1930-е гг. было абсолютно сознательной, планомерно осуществляемой программой. В ходе ее реализации новые крупные городские образования возникали как результат практического решения задач размещения строго посчитанного количества потребных трудовых ресурсов около возводимых промышленных комплексов. Осуществлялось это искусственно – за счет волевого назначения мест размещения новых промышленных узлов, административного превращения их в ядра нового расселения и последующего принудительного перемещения сюда людских контингентов.

Программа индустриализации целенаправленно решала задачу формирования единой общегосударственной иерархически устроенной административно-территориальной управленческой структуры, способной, за счет развертывания по территории страны цепочек производственных процессов (от добычи ресурсов, до распределения готовой продукции), скрепить части огромной страны в неразделимое целое.

Хозяйственно-экономическое районирование сознательно совмещалось с районированием административно-политическим и управленческим. Оно задавало такое устройство опорного каркаса страны, при котором «рисунок расселения» представлял собой совокупность центров промышленного производства с прилегающими к ним сельскохозяйственными зонами, обеспечивавшими города-новостройки квотируемыми объемами продуктов питания, соединявшихся друг с другом системой транспортных магистралей. Предполагалось, что подобное административно-территориальное устройство позволит сформировать единую общегосударственную структуру административно-территориального управления и сформирует единое экономико-технологическое, социально-культурное, научно-производственное, организационно-управленческое многофакторное пространство.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД В РЕАЛЬНОСТИ

И в идеологии, и в практике проектирования и строительства, и в расчетах численности населения любой соцгород являлся поселением, полностью связанным с работой градообразующего предприятия. Вторичность селитьбы по отношению к производству закреплялась таким устройством инженерной инфраструктуры, при котором функционирование систем жизнеобеспечения селитьбы обеспечивалось не городским коммунальным хозяйством, а градообразующим предприятием: «водопровод, канализация, освещение, газ и пожарная охрана должны быть связаны с соответствующими предприятиями завода ...» (Постановление Совнаркома РСФСР о строительстве Магнитогорского комбината и г. Магнитогорска от 11.11.1929). Проектирование соцгородов осуществлялось в полном соответствии с этим положением. Например, проект теплофикации соцгорода Большой Свердловск предусматривал строительство шести ТЭЦ, пять из которых были заводскими, параллельно обслуживавшими прилегавшие к ним жилые массивы. В проекте планировки соцгорода Нижнего Тагила трассировка систем водоснабжения и канализации была неразрывно связана с промышленными предприятиями. То же и в Магнитогорске, Кузнецке и других соцгородах.

Соцгород перестал быть саморегулируемой системой. В условиях искусственной организации производственной деятельности, запрета на предпринимательство в городском хозяйстве и в сфере городских услуг, огосударствлении, практически всех структур жизнеобеспечения в советском градостроительстве возникла необходимость в предварительном определении численности населения проектируемых поселений. В советской иерархически централизованной системе управления урбанистическими процессами каждое новое поселение являлось

элементом общегосударственного распределительного механизма, целиком и полностью основанного на предварительных расчетах: потребности в емкости жилых зданий и сооружений; их типологии; допустимых расходов на транспортное строительство; оптимального количества посадочных мест в клубах, количества коек в больницах; мест в детских учреждениях; расстояний между остановками общественного транспорта; списка объектов бытового обслуживания; количества блюд в столовых и объемов продуктов, необходимых для их приготовления и т. п.

А поскольку новые индустриальные города создавались, как правило, на пустом месте, постольку приходилось предварительно прогнозировать, обсматривать, организовывать и целевым образом направлять в места их строительства: материалы, и оборудование, инструменты, и технику, топливо, и продукты – фактически все, что являлось необходимым сначала для возведения, а потом для повседневного функционирования города. И что самое главное, нужно было обеспечивать эти новые поселения требуемым количеством трудовых ресурсов. Причем, не больше и не меньше, а ровно столько, сколько положено по расчету.

В этой ситуации и возникла задача предварительного определения того, сколько «требуется» поселению-новостройке жителей: а) сколько должно быть рабочего населения; б) какое количество людей должно трудиться на предприятиях общественного питания, в прачечных, на общественном транспорте, в школах, в городской администрации, в милиции, на скотобойне, в банях, больницах, школах, детских садах и т.п.; в) количество неработающего населения (старики, инвалиды, дети, домохозяйки).

Старая практика расчетов оказалась абсолютно неспособной ответить на эти вопросы [45, с. 4], поскольку она основывалась на статистических данных о ежегодном приросте населения: естественном (рождаемость) и механическом (стихийные перемещения в город мигрантов на временное или постоянное жительство). Но вычисления, основанные на статистике естественных процессов, не годились для советского планирования, которое стремилось исключить какие бы то ни было процессы самовольного перемещения населения по территории страны, потому что в условиях России, где значительная часть территории находится в неблагоприятных климатических ус-

ловиях, подобное грозило обезлюдиванием окраинных территорий. Также в рамках советского планирования исключалось само понятие «избыточная рабочая сила», потому что в условиях огромного дефицита рабочих рук в индустриально осваиваемых районах страны недопустимо было иметь в других районах хоть какое-то количество безработных.

Первые проекты соцгородов конца 1920-х гг. по планировке и численности населения (50 тыс. чел.) не слишком отличались от крупных рабочих поселков (15–35 тыс. чел.). Они, как и проекты рабочих поселков, следовали традициям применения планировочной схемы, при которой основные городские магистрали сходились на главной площади. При этом главная площадь совмещалась с предзаводской площадью, на которой располагались здание заводоуправления градообразующего предприятия и главная проходная.

В советском градостроительстве промышленное предприятие как смысловой центр поселения, а планировочно – как композиционный центр. Силуэты завода, электростанции, или копров шахт должны были определять видовые перспективы, выступать своеобразными смысловыми метками, структурирующими городское пространство и задающими вектора ежедневных пешеходных перемещений трудящихся от мест обитания к месту работы. Здание заводоуправления должно было выступать одной из ведущих архитектурных доминант городского пространства, а предзаводская площадь использоваться не только как центр трудовой жизни, но и как средоточие общественных функций (место проведения общегородских митингов, общественных собраний, демонстраций, трудовых парадов [22, с. 9]). Расположение главной городской площади перед промышленным предприятием несло и некоторые функциональные преимущества – упрощало трассировку транспортной инфраструктуры, оптимизировало систему пешеходных связей, приводя ее к единому центру, сокращало затраты времени на доставку рабочей силы от мест труда к местам проведения массовых мероприятий – после трудового дня рабочие шли на митинг и т. п.

Позднее, когда производственное предприятие превратилось из комплекса зданий в многокилометровую промышленную зону, в проектах соцгородов, помимо предзаводской площади, стала появляться еще одна – собственно городская площадь. Между предзавод-

ской площадью и общегородской прокладывалась главная городская магистраль, застраиваемая парадными зданиями.

Оптимальным вариантом планировки считался тот, при котором всю планировку города удавалось посадить на единую ось: завод (предзаводская площадь) – общественный центр поселения (административная площадь) – вокзал или пристань (привокзальная площадь)». В ряде случаев стремление усилить значение главной городской магистрали, соединявшей административную площадь с предзаводской, выливалось в решение непосредственного продолжения ее на территорию промышленного предприятия в качестве основной оси в компоновке заводской зоны.

Так, в генеральном плане рабочего соцгорода Каменск-Уральский на 20 тыс. жителей при Уральском алюминиевом комбинате главная городская магистраль (символически именовавшаяся Алюминиевой улицей), соединявшая завод с главной площадью поселения, продолжалась за пределы селитьбы, заходила на территорию предприятия и превращалась в основную магистраль завода, являвшуюся композиционной осью всей территории промышленного предприятия. При этом в непосредственной близости от завода улица также распадалась на три луча, два из которых (боковые) становились меридиональными улицами поселения [17].

Соцгорода являлись градостроительными системами, в которых, в соответствии с официальной доктриной, впервые в истории человеческой цивилизации проектно отсутствовало индивидуальное жилище. Вместо него строилось многоквартирное жилье, в которое затем вселялись семьи рабочих и служащих. Как правило, коммунально, т.е. в каждую комнату квартиры по одной семье из 3–4–5 человек. Таким образом, в квартире оказывались вместе живущими несколько семей, общей численностью 9–15 человек. Исключение составляло жилье для высшего начальства: 1) руководства градообразующего предприятия, 2) руководство городом, 3) руководство НКВД. Это жилье возводилось в виде отдельно стоящих коттеджей на одну семью, объединяемое в отдельную зону – небольшой поселок (15–20 домов), обнесенный по периметру колючей проволокой с охраной на вышках.

Безусловно, в реальности власть под давлением обстоятельств, вынуждена была закрывать глаза на присутствие частного жилищного строительства в соцгородах-новостройках и на периферии существо-

вавших городов, чтобы хоть как-то ослабить острейший дефицит жилья. Большевицкое руководство страной вынуждено была впустить в советское градостроительство жилищный самострой, точно так же, как вынуждена была впустить в политэкономии социализма частный крестьянский рынок. Она даже особенно и не боролась ни с тем, ни с другим, понимая, что незаконное существование этих феноменов, хоть как-то сглаживает предельное обострение жилищной и продуктовой проблем и гасит волны недовольства. В результате этого все соцгорода стихийно обрастали ареалами незаконной неблагоустроенной, самодельной застройки.

Специфика планировки соцгорода определялась также и тем, что в него был заложен совершенно иной механизм жизнеобеспечения, возникший в результате ликвидации форм, присущих капиталистическим городам: а) свободной мелкой частной торговли; б) мелкого бизнеса бытовых услуг; в) частных видов транспорта; г) индивидуального предпринимательства в сфере досуга и отдыха и т.п. Взамен этого была сформирована всеохватывающая и многофакторная распределительная система. Это поставило перед градостроителями необходимость выработки правил рационального размещения на территории города объектов распределительной системы и планировочного обеспечения связи этих объектов с жилищем – чтобы люди, идя с работы домой, могли бы, не сворачивая в сторону от основных потоков своего движения, заходить в столовые, фабрики-кухни, на почту, агитационные пункты и проч. Также на государственном уровне была рассчитана и нормативно зафиксирована вместимость всех без исключения объектов обслуживания, чтобы обеспечить для всех поселений одинаковую меру «удовлетворенности» государством бытовых нужд населения. В разработке числовых параметров «достаточного минимума» количества и мощности объектов обслуживания в полной мере проявило себя требование экономии.

Все это происходило на фоне полного и строжайшего запрета каких бы то ни было частных форм торговли, кормления, удовлетворения потребностей, самодельных занятий ремесленничеством или предпринимательством. В конечном счете это привело к тому, что городская среда в соцпоселениях перестала быть саморазвивающейся самодельной субстанцией, воплощавшей изменение потребностей и отражавшей собственные инициативы населения. И соцгород

превратился в территорию тотального нормативного регулирования всех протекавших в нем процессов жизнедеятельности, а также распределения через систему «общественного обслуживания» жизненно необходимого трудящемуся населению минимума его хозяйственных и культурных потребностей.

Система «общественного обслуживания» соцгорода формировалась в виде сетей: а) жилищ (общежития, гостиницы, коммунальные и индивидуальные квартиры); б) питания («центральный пищевой комбинат», фабрика-кухня, столовые-распределители на предприятиях, в учреждениях и жилых комбинатах, территориальные столовые); в) санитарно-гигиенического обслуживания и медицинского обслуживания (фельдшерские пункты, диспансеры, больницы, санатории, курорты); г) коммуникации (почта, телеграф, радио); д) распределителей продуктов бытового потребления; е) социалистического воспитания (детского дошкольного); ж) политехнического обучения (школы I и II ступеней, ремесленные школы, учебно-производственные мастерские, фабричные учебные заведения, высшие учебные заведения); з) культурного и общественно-политического обслуживания; и) физкультурного обслуживания (квартальные спортивные площадки и площадки при комбинатах, квартальные – при школах и вузах, районные стадионы и стадионы при градообразующих предприятиях, центральный стадион с Дворцом физкультуры, общегородской физкультурный центр для объединения и направления всей работы).

Каждый соцгород имел строгую иерархию общественных пространств:

1) общегородской центр с главной площадью (с расположением на ней важнейших городских объектов советского, партийного, социально-культурного назначения);

2) центры планировочных элементов жилой зоны с второстепенными площадями;

3) внутриквартальные (дворовые) общественные пространства (с расположением на них агитационно-спортивных сооружений);

4) придомовые «пространства», размещавшиеся в специально отводимых для этого помещениях первых этажей или в приспособляемых квартирах.

Он включал также систему зеленых зон (поясов, коридоров и т.п.), состоявшую их двух частей: 1) внутренние – парки, скверы,

бульвары и проч.; 2) внешние – окружавшие город и выполнявшие роль «фильтров-разрывов» между селитьбой и промышленной зоной, а также функцию мест неорганизованного пригородного отдыха и рекреации.

Ключевым пунктом в жилищной политике советской власти являлось формирование принципиально новой «единицы общества». Если в дореволюционный период основной единицей были человек–гражданин, его семья, автономно живущие в собственном доме на своем участке земли или распоряжающиеся частью домовладения на правах аренды, то теперь советская власть формировала совершенно иную модель общественного устройства. Его базовой единицей, структурным элементом новой модели большевики сделали особое объединение людей, никогда ранее, на всем протяжении существования человеческой цивилизации, не выступавшее ключевым элементом общественного устройства – так называемый «трудо-бытовой коллектив» – объединение людей, которые работают на одной фабрике или заводе, или в советском учреждении и которые, согласно провозглашенным новой властью коллективистским принципам новой повседневности, жить должны также вместе. Большевики провозгласили эту доктрину организации общественного устройства, потому что она дала им в дореволюционный период максимальный эффект в пропаганде и управлении пролетарскими массами фабрик и заводов, где в дореволюционный период их влияние на трудовые массы через подпольные пролетарские ячейки было наиболее сильным. Управлять рассредоточенными человеческими массами большевики не умели.

В послереволюционный период большевистское руководство распространило свой успешный дореволюционный опыт на все городское население страны, а позднее и на крестьянскую часть населения, сгоняя ее в колхозы – точно такие же «производственные коллективы», что и заводские. Эта модель опиралась, в том числе, и на прогрессивные (на тот момент) идеи, согласно которым развитие современного общества уже не могло регулироваться усилиями, инициативой и волей отдельных людей. Только коллективы, организуемые «самой передовой и прогрессивной партией в мире – коммунистической», могли, согласно марксистско-ленинской доктрине, целенаправленно продвигать общественное развитие.

Трудо-бытовой коллектив представлял собой группу трудящихся и членов их семей, скрепленную совместным трудом и совместным бытом. Т.е. людей, которые вместе работают на одном производственном предприятии или советском учреждении и живут тоже вместе («от станка – до пиджака» / «вместе работаем – вместе живем»). Такой коллектив, как правило, был социально однородным, зависимым, контролируемым, управляемым, поскольку находился в полной зависимости от администрации места приложения труда в отношении обретения крыши над головой – после муниципализации практически всего жилого фонда страны крышу над головой можно было получить только из рук дирекции государственного предприятия или организации [30]. Советская система прикрепляла своих членов к месту труда и месту жительства не только ведомственным жильем, но другими средствами: системой распределения вещей и продуктов питания по месту работы, пропиской, запретами на самовольный переход на другое место работы и проч.

Трудо-бытовой коллектив, как форма повседневной соорганизации людей, призвана была обеспечивать за счет тесного переплетения трудовых и бытовых процессов, predetermined communal сосуществованием взаимную координацию и взаимную корректировку не только характера отношения членов коллектива к труду, но и к нормам бытового поведения. А прозрачность переуплотненного коммунального быта, кроме того, еще и позволяла в наилучшей степени обеспечить контроль, догляд и доносительство.

Автономное домохозяйство, т.е. находящийся в частной собственности жилой дом на своей земле – базовая единица жилого фонда дореволюционного периода – в корне противоречило охарактеризованной выше установки советской власти на кардинальное изменение «субъекта» развития общества – замены «гражданина» на «трудо-бытовой коллектив». Основная причина несоответствия – это то, что автономное домохозяйство обеспечивало его владельцу высокую степень независимости от власти. Он был свободен в самостоятельном выборе характера трудовой деятельности и самостоятельном возделывании на собственном клочке земли сада и огорода для прокормления себя и своей семьи. Как следствие, человеку, владевшему землей и домом, не нужно было в обязательном порядке устраиваться на работу на государственное предприятие или

государственную службу только для того, чтобы получить крышу над головой и источник питания.

Подобное «качество» частного жилища делало его особенно нетерпимым в отношении к организационно-управленческой доктрине большевиков. Независимое от власти решение людьми своих жилищных проблем, самостоятельное возведение персонального жилища на собственном клочке земли противоречило партийно-государственной установке на использовании жилья в качестве средства управления людьми, не позволяло поощрять предоставлением жилья, не давало возможность наказывать принудительным выселением, не позволяло осуществлять догляд и контроль, благодаря «прозрачности» переуплотненного коммунального быта, лишало возможности беспрепятственно вторгаться внешним нормирующим воздействием в пространство, традиционно являвшееся сферой личной жизни.

Большевики, придя к власти, поставили задачу кардинальным образом реформировать всю систему управления и всю структуру экономики, поставить под тотальный контроль государства всю экономическую базу страны. В том числе и все те секторы экономики, которые раньше были независимы от власти – те, которые именовались «экономикой личного выживания» – натуральное придомовое хозяйство, малый бизнес, широкий спектр форм самозанятости населения. Именно поэтому частное, автономное жилище, являвшееся пространством реализации «экономики выживания», было заменено в рамках советской жилищной политики на специфический тип – коммунальное жилище – стандартизированное, унифицированное, типовое, переуплотненное, предназначенное для концентрированного размещения членов трудо-бытовых коллективов. Лишавшее своих обитателей какой бы то ни было независимости от власти.

Из коммунального жилища были целенаправленно исключены все «капиталистические» функции семьи и соответствующие помещения, характерные для нормального индивидуального жилища до-революционного периода: а) начальное домашнее образование (домашняя библиотека); б) индивидуальные интеллектуальные занятия в целях саморазвития (кабинет); в) приготовление еды (кухня); г) семейное принятие пищи (столовая); д) досуг, встречи с друзьями, гостями (гостиная); е) личная гигиена (туалет и ванна) и проч.

Данная жилищная политика маскировочно прикрывалась идеологической пропагандой «нового образа жизни», призванного заменить старый «мелкобуржуазный» быт на новый. Все функции, присущие «новому городскому образу жизни», трудящиеся должны были получать по месту работы: личная гигиена (душ и бани на производстве), культурные мероприятия (коллективные походы в театр, на выставки и демонстрации), клубные формы досуга, спорт, «красная обрядность» (замена венчания на комсомольские свадьбы, дореволюционных крестин на советские «звездины» и «октябрины»¹ и т.п.). Подобное в еще большей степени привязывало население к производству, а внедренный в качестве замены приватного, личного пространства обитания новый – коммунальный (покомнатно-посемейный) тип жилища, тотально превращал человека из субъекта потребления личного пространства в «придаток к заводу».

Большевицкая власть целенаправленно формировала такое устройство повседневности, при котором основой существования людей являлось а иерархизированное распределение жизненных благ. Этот процесс не прерывался в период НЭП, который временно вернул в хозяйственную жизнь страны предпринимательство и самодеятельность. Следует специально подчеркнуть, что, вводя новую экономическую политику, советская власть не отменила своей общей стратегической направленности на формирование централизованной, авторитарно управляемой экономики и общегосударственной системы распределения жизненных благ. Она лишь создала временный параллельный процесс, активизирующий хозяйственную деятельность и экономические явления, и тем самым способный поддерживать существование основной массы населения. Она обеспечила себе некоторую передышку для оптимизации своей организационно-управленческой, финансово-экономической и административно-территориальной политики, а также для накопления ресурсов для осуществления рывка в индустриальном развитии страны.

¹ Ритуал под названием звездины (октябрины или обряд введения в гражданство) появился в 1920-е гг. и был предназначен для замены религиозного обряда крещения, а также для искоренения традиции нарекать имя ребенку в соответствии со святыми. Святые вытеснялись героями-большевиками, а старинные русские имена – новыми, советскими (Октябрина, Марксина, Гертруда – герой труда).

Но после обретения Сталиным всей полноты власти, НЭП был закрыт, а власть вернулась к формированию жесткой вертикальной системы распределения жизненных благ. В том числе и в отношении предоставления работникам крыши над головой из общегосударственного жилищного фонда. Как следствие, с началом индустриализации все процессы жилищного строительства в стране были окончательно огосударствлены. Частное строительство было законодательно запрещено [30; 31], а если оно и возводилось, то строилось не официально, а бесправно и незаконно.

Эволюция типологии жилого фонда в СССР в начале-середине 1920-х гг. отражала процессы, протекавшие в хозяйственной и политической жизни страны, материализовала социальную структуру общества. Так, в начальный период НЭП государственная архитектурно-градостроительная политика была направлена на привлечение средств населения для самостоятельного разрешения жилищной нужды в виде строительства поселков жилищной кооперации. Жилой фонд в них представлял собой жилые дома особнякового типа (отдельно стоящие или попарно блокированные) с приусадебными земельными участками для сада и огорода и с надворными постройками. При этом в рабочих поселках, возводимых в этот же самый период ведомствами, типология жилого фонда была серьезно смещена в сторону коммунального быта.

С закрытием НЭП и началом индустриализации жилищная политика кардинально изменилась – все жилищное строительство, массово развернувшееся в СССР в конце 1920-х г.: а) возводилось по заданию государственно-ведомственного заказчика, б) обеспечивалось денежными, материальными и трудовыми ресурсами из общегосударственных фондов, в) нормировалось на основе общегосударственных стандартов, г) находилось в ведомственно-государственной или государственно-муниципальной собственности.

Относительно независимая советская жилищная кооперация, которая существовала в период 1919–1924 гг. из этих процессов была исключена, так как к этому времени претерпела кардинальные организационно-управленческие трансформации, превратившись в разновидность государственно-ведомственной. Если в период НЭП прежняя советская жилищная кооперация самостоятельно аккумулировала средства населения и использовала возникшие в период НЭП

рыночные возможности для возведения тех типов жилья, который предпочитали иметь члены кооперативов, то есть, строить отдельно стоящие дома – на одну семью, с приусадебными участками; то после реформы ее организационной структуры в 1924 г. она превратилась в послушный исполнительный орган власти, и строили лишь те типы жилья, которые предписывались ей плановыми органами – в лучшем случае, многоквартирное, многоэтажное жилище коммунального вида заселения.

Массовая типовая застройка представляла собой бараки, в которых обитало 85–90 % первостроителей соцгородов-новостроек, а также деревянные неблагоустроенные 2-этажные 8- и 16-квартирные дома коммунального заселения для инженерно-технического руководства и передовиков производства, составлявших 10–15 % населения [37].

Правда, существовало одно исключение – советская власть, несмотря на идеологические заверения населения в принципах равенства, братства и гомогенности советского общества, безмерно поощряла тех, кто самоотверженно служил ей. В том числе, поощряла и правом иметь собственное автономное жилище – примерно 2–3 % нового строительства в рабочих поселках-новостройках и соцгородах-новостройках представляли собой особую категорию домостроений – обособленные коттеджи для семей высшего заводского, городского и областного начальства. В отношении их планировки временные собственники получали возможность диктовать свои предпочтения и получать тот тип домостроения, который желали. Так, например, особняк, в котором жил начиная с 1930 г., директор Магнитогорского металлургического комбината А.П. Завенягин с семьей, представлял собой трехэтажный 14-комнатный коттедж, в котором размещались бильярдная, музыкальный салон, игровая для детей, кабинет. Позади дома находился небольшой олений заповедник, а перед домом – сад. «Временными» эти собственники были потому, что точно также, как и другие категории трудящихся, они получали жилище в индивидуальное пользование лишь на срок своей службы – впад в немилость или подпав под репрессии, они после увольнения или их семья после ареста обязаны были освободить жилище.

Власть рассматривала соцгорода-новостройки как элементы общегосударственного управления населением в структуре централи-

зованной власти. На ноябрьском пленуме ЦК ВКП (б) (10–17 ноября 1929 г.) А.И. Микоян называл этот аспект размещения новых промышленно-селитебных объектов, важнейшим структурообразующим принципом районирования: «Политический момент здесь играет немаловажную роль. Если построить новый завод в крупном рабочем центре и прибавить 5000 новых рабочих, это не даст серьезного увеличения политического веса данного рабочего центра, но дайте один такой завод Борисоглебску, Козлову или другому крестьянскому округу из 5000 рабочих, и это будет иметь громадное значение. Это создаст прочную пролетарскую опору в гуще крестьянских масс, укрепит руководящее влияние пролетариата над крестьянством и облегчит задачу социалистического переустройства деревни. По моему предложению в постановлении СНК по пятилетке, утвержденной пленумом ЦК и съездом советов, имеется специальное указание на необходимость перераспределения промышленных предприятий с перенесением их части в ряд крестьянских районов...» [62, с. 87].

Масштабы формирования нового административно-территориального устройства страны, соответствовавшего характеру производственно-хозяйственных процессов общегосударственного масштаба, с центрами в виде поселений нового типа – соцгородов – были огромными. За годы первых двух пятилеток планировалось возвести более 100 соцгородов и соцпоселков с населением около 13 млн чел.: в первой пятилетке 38 новых поселений с населением почти 5 млн чел. [24]; во второй – 87 соцгородов с населением в 4,5–5 млн чел., а также десятки поселков с населением каждый свыше 10 тыс. чел.; всего – 6–7 млн чел. [19, с. 1010]. Причем, следует отметить, что эти цифры явно занижены. Например, согласно исходному расчету, численность рабочей части населения Магнитогорска должна была составлять 11400 чел. При этом проектирование города изначально велось на значительно большую численность – 80 тыс. чел., затем на 120 тыс. чел., а потом на 200 тыс. чел. (т. е. в десятки раз больше, нежели первоначально запланированные показатели). К концу первой пятилетки одних только крупных поселений, по которым разрабатывались генпланы, насчитывалось не 38, как это планировалось, а 150 [40, с. 47]. Вероятно, вполне обоснованно можно говорить о реальной численности населения соцгородов и соцпоселков – новостроек первых пятилеток в 40–50 млн. чел.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

УРБАНИЗАЦИЯ В СССР В ПЕРИОД ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

Начиная с середины 1920-х гг. сталинское руководство избрало стратегию промышленного развития, основой которой стали добыча и продажа за границу сырьевых ресурсов, чтобы на вырученные деньги закупать чертежи, станки и промышленные технологии для выпуска вооружений. К собственному населению оно относилось как к природному ресурсу, который предназначен лишь для того, чтобы обеспечивать достижение государственных целей и, в первую очередь, превращения страны в наимогущественнейший военный механизм, а ее государственного аппарата – в средство принуждения населения к труду. Развитие военно-промышленного комплекса и являлось главной целью, ведущим смыслом и основным содержанием советской индустриализации, которая всецело предопределяла, сопутствовавший ей процесс урбанизации.

В СССР государственная воля тотально определяла планирование, разработку и реализацию всех урбанистических процессов. Именно власть осуществляла целенаправленные программы возведения новых промышленных предприятий военно-промышленного комплекса; добычу природных ресурсов в труднодоступных местах и тем самым хозяйственное освоение новых территорий Севера, Юга, Урала, Сибири, Дальнего Востока; перераспределения населения по территории страны за счет принудительных миграций; возведение энергетических станций; устройство железнодорожных и автомобильных транспортных коммуникаций; реформирование системы сельскохозяйственного производства и др. Именно политические решения задавали направленность, объемы и содержание государственной жилищной и градостроительной политики, которые были лишь

средством территориально-пространственного воплощения перечисленных выше процессов.

В рамках концепции соцрасселения единственным импульсом освоения новых территорий являлась, прежде всего, промышленность, а также неразрывно связанное с ее нуждами транспортное и энергетическое строительство. Воплощение этой концепции обеспечивалось своеобразной «городской политикой», сутью которой была минимизация государственных расходов, приходящихся на человека, путем жесткой экономии на жилищно-коммунальном строительстве, социально-культурной сфере, городском транспорте, а также сознательно формируемой системой организации процессов городского быта, основанных на тотальной зависимости рабочих и служащих от администрации места труда, предоставлявшей трудящимся крышу над головой. В созданной в СССР системе урбанистической деятельности власть присвоила себе функции строгого контроля расчетной численности контингентов трудоспособного населения, сконцентрированных в селитьбе подле производственных комбинатов за счет введения прописки, паспортной системы, структуры распределения жизненных ресурсов: продуктов питания, одежды, жилища, медицинского обслуживания.

В советской урбанистике 1920–1930-х гг. все без исключения основополагающие процессы: а) определение конкретных мест размещения новых поселений (соцгородов и рабочих поселков); б) количество и профессиональный состав населения (трудовых ресурсов); в) типология жилой застройки и объемы ее строительства; г) объемы необходимых для возведения города материальных ресурсов и финансовых затрат; д) уровень инженерно-технического обеспечения и благоустройства и проч., – предопределялись указаниями, предписываемыми свыше, нормативами, расчетными формулами, схемами размещения предприятий «военно-гражданского» промышленного комплекса, разработанными органами партийно-государственного управления – всем тем, что, собственно, и задавало планировку и внешний вид соцпоселений на всей территории Советского Союза.

В рамках сталинской урбанизации, вопреки постоянно звучавшим идеологическим лозунгам:

а) наркоматы и советские ведомства, через которые осуществлялось государственное финансирование проектирования и строительства соцгородов-новостроек, не были заинтересованы в передаче рабочим и служащим земли в собственность, а уж тем более передачи населению прав собственности на недвижимость, так как теряли рычаги манипулирования человеческими массами;

б) администрация городов, в границах которых строилось новое жилище для рабочих, в своей строительной политике вынуждена была следовать интересам наркоматов и ведомств, обладавших финансовыми и материальными ресурсами для инженерного и строительного освоения территорий;

в) государственная жилищная политика, основанная на концентрированном расселении трудо-бытовых коллективов, основным типом застройки законодательно утверждала многоквартирное, многокомнатное жилище: на первых этапах индустриализации – барачное, затем 3–5-этажное, секционное, при этом запрещая самостоятельное возведение населением отдельно стоящих индивидуальных домов, поскольку не умела управлять рассредоточенными массами населения;

г) кооперативное жилищное строительство было постепенно полностью подчинено администрации предприятий и учреждений, в которых и создавались эти кооперативы, и вынуждено было на основах долевого участия строить такие же многоквартирные дома коммунального заселения;

д) в индустриальных городах-новостройках первых пятилеток (соцгородах) самоуправление поселений (подобное городам-садам) было категорически недопустимо, и власть лишь имитировала самостоятельность местного самоуправления, реально стягивая все рычаги управления в партийно-государственные инстанции.

Термин «соцгород» перестал использоваться в градостроительной теории примерно с 1950-х гг. Но практически ничего не изменилось в последующие годы ни в теории, ни в практике государственно-ведомственного подхода к размещению промышленности, в формировании системы расселения, в механизмах управления поселениями за счет изъятия доходов, а потом перераспределения их «особо нуждающимся». Тип монофункциональных городов, которые начали создаваться в СССР в 1920-х гг., а затем в 1960-е – на второй волне урбанизационного освоения территорий, продолжает суще-

ствовать и сегодня, причем, в практически неизменном виде. Он не только составляет основу промышленного и гражданского потенциала современной России, но и по-прежнему выступает финансово-экономическим базисом существования значительной части населения страны.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Berdinskikh V.A., Menkovskiy V.I., Zherebtsov I.L.* GULAG: Ideology and Economy of Forced Labour in the XX century. Second extended edition. Banska Bystrica: Belianum, 2017.
2. *Cohen S.* Bolshevism and Stalinism // Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977.
3. *Ferretti M.* Memory Disorder. Russia and Stalinism // Russian Politics and Law. Vol. 41. № 6. November–December 2003.
4. *Fitzpatrick S.* New Perspectives on Stalinism // The Russian Review. 1986. Vol. 45.
5. *Laqueur W.* Stalin: The Glasnost Revelations. New York, 1990.
6. *Laqueur W.* The Dream that Failed: Reflections on the Soviet Union. New York, 1994.
7. *Lewin M., Kershaw I.* The Regimes and Their Dictators: Perspectives of Comparison // Stalinism and Nazism: Dictatorships in Comparison. Cambridge; New York, 1997.
8. Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York, 1977.
9. *White S.* Stalinism // Political and Economic Encyclopedia of the Soviet Union and Eastern Europe. London, 1990.
10. *Ахиезер А.С.* Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995.
11. *Ахиезер А.С., Коган Л.Б., Яницкий О.Н.* Урбанизация, общество и научно-техническая революция // Вопросы философии. 1969. № 2.
12. *Бордюгов Г. А., Козлов В. А.* История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества. М., 1992.
13. *Бордюгов Г.А., Бухараев В.М.* Вчерашнее завтра: как «национальные истории» писались в СССР и как пишутся теперь. М., 2011.
14. *Васильев А.* Memory studies: единство парадигмы – многообразие объектов (Обзор англоязычных книг по истории памяти). URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2640>.

15. *Виола Л.* ОГПУ, раскулачивание и спецпереселенцы // Крестьяноведение: теория, история, современность: ученые записки 1999. М., 1999. С. 114–162.

16. *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998.

17. *Гаврилова С.И.* Архитектура 1930-х годов Красногорского района г. Каменска-Уральского // Архитектон: Известия вузов. 2009. № 27. URL: http://archvuz.ru/numbers/2009_3/ta1.

18. *Гудков Л.* Амнезия или стерилизация большого прошлого? Образ сталинизма в общественном мнении России // История сталинизма: жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий. М., 2013. С. 6–20.

19. *Гуревич И.* Строительство соцгородов // Наше строительство. 1932. № 21–22.

20. *Доброноженко Г.Ф.* Кулак как объект социальной политики в 20-е – первой половине 30-х годов XX века (на материалах Европейского Севера России). СПб., 2008.

21. Документы свидетельствуют: из истории деревни накануне и в ходе сплошной коллективизации (1927–1932 гг.) / Под ред. В.П. Данилова, Н.А. Ивницкого. М., 1989.

22. *Зеленко А.У.* Проблема строительства социалистических городов. М., 1930.

23. Историческая политика в XXI веке. М., 2012.

24. К контрольным цифрам строительства новых городов // Современная архитектура. 1930. № 4. Обложка.

25. *Коган Л.Б., Покишишевский В.А.* Урбанизация // Большая советская энциклопедия. Т. 27. М., 1977. С. 72–74.

26. *Конорев С.* Исторический миф в современном российском обществе: происхождение и социокультурная роль // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012.

27. *Красильников С.А.* Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М., 2003.

28. *Левинсон А.* Архив и простота. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2005/74/le4-pr.html>.

29. *Меерович М.Г.* Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М., 2017.

30. *Меерович М.Г.* Как власть народ к труду приучала: Жилище в СССР – средство управления людьми. 1917–1941 гг. Stuttdart. Ibidem-Verlag, 2005.

31. *Меерович М.Г.* Квадратные метры, определяющие сознание: государственная жилищная политика в СССР. 1921–1941 гг.: Stuttdart. Ibidem-Verlag, 2005.

32. *Меерович М.Г.* Рождение и смерть города-сада: градостроительная политика в СССР. 1917–1926 гг. (от идеи поселения-сада к советскому рабочему поселку). Иркутск, 2008.

33. *Меерович М.Г.* Рождение и смерть жилищной кооперации: жилищная политика в СССР. 1924–1937 гг. (социально-культурный и социально-организационный аспекты). Иркутск, 2004.

34. *Меерович М.Г.* Социально-культурные основы осуществления государственной жилищной политики в РСФСР (1917–1941 гг.): Дис. на соиск. уч. ст. доктора ист. наук. Иркутск, 2004.

35. *Меерович М.Г.* СССР как Мегaproект. Числовые регулятивы искусственного формирования населения соцгородов. 2008. URL: http://archi.ru/lib/publications_virtual.html?fl=5&sl=3.

36. *Меерович М.Г.* Типология жилища соцгородов-новостроек. Иркутск, 2014.

37. *Меерович М.Г.* Типология массового жилища соцгородов-новостроек 1920–1930-х гг. // Архитектон: известия вузов – 2010. № 31. URL: http://archvuz.ru/numbers/2010_3/012.

38. *Миллер А.* Россия: Власть и история // Pro et Contra. 2009: № 3–4. С. 6–23.

39. Огонек. 2015. № 13.

40. *Петров М.Н.* Основные вопросы организации и методологии планировки городов // Госплан СССР. Реконструкция городов СССР. М., 1933. Т. 1.

41. *Пивоваров Ю.Л.* Основы геоурбанистики: Урбанизация и городские системы. М., 1999.

42. *Пивоваров Ю.Л.* Урбанизация России в XX веке: представление и реальность // Общественные науки и современность. 2001. № 6, С. 101–113.

43. *Постоловская Т.* Ссылка и высылка // Советская уголовная репрессия. М., 1933. С. 89–110.

44. *Пришивин М.* 1930 год // Октябрь. 1989. № 7.

45. Пузис Г. О методах исчисления населения в планировке населенных мест // Советская архитектура. 1931. № 3.

46. Репина Л. Опыт социальных кризисов в исторической памяти // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012.

47. Савицкий И.М. Строительство предприятий оборонной промышленности в Новосибирской области в предвоенные годы (1929–1941) // Сибирь в XVII–XX веках: Проблемы политической и социальной истории. Новосибирск, 2002. С. 142–155.

48. Самуэльсон Л. Красный колосс. Становление военно-промышленного комплекса СССР. 1921–1941. М., 2001.

49. Святославский А. Трансформация образа И. Сталина в коллективной памяти с 1930-х годов до современности // Кризисы переломных эпох в исторической памяти. М., 2012.

50. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. М., 1996.

51. Социологи зафиксировали рост популярности Сталина среди российских граждан. URL: <http://www.newsru.com/russia/31mar2015/stalinopros.html>.

52. Социологи порассуждали над загадкой Сталина в связи с годовщиной смерти... URL: <http://www.levada.ru/old/04-03-2013/sotsiologi-porassuzhdali-nad-zagadkoi-stalina-v-svyazi-s-godovshchinoi-smerti-i-krovavuyi>.

53. Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 г. / Сост. С.А. Красильников, В.Л. Кузнецова, Т.Н. Осташко, Т.Ф. Павлова, Л.С. Пашенко. Р.К. Суханова. Новосибирск, 1992.

54. Сталин и мы: почему половина россиян до сих пор верят в вождя. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/society/30/01/2015/54cb37799a7947c335dca175>.

55. Сталин с нами? URL: <http://www.levada.ru/2015/04/09/stalin-s-nami>.

56. Сталинское Политбюро в 30-е годы. М., 1995.

57. Степанов М.Г. История депортации крестьян периода насильственной коллективизации в СССР (1929–1933 годы) в постсоветской историографии // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 4 (142). История. Вып. 29. С.158–163.

58. «Суверенная демократия» и конец истории // *Ab Imperio*. 2009. № 3.

59. *Христофоров В.* Трагедия сталинизма не осознана до сих пор. URL: <http://www.mn.ru/society/rights/77553>.

60. *Чернявский Г.* Российская сталиниана конца XX – начала XXI века. URL: <http://kaskad.com/kaskad/?p=7577>.

61. *Яницкий О.* Социология города. URL: <http://nashaucheba.ru/v23309>.

62. Как ломали НЭП. М., 2000.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Меерович Марк Григорьевич – доктор исторических наук, доктор архитектуры, профессор Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Иркутский национальный исследовательский технический университет» (Иркутск, Российская Федерация), memark@inbox.ru.

Меньковский Вячеслав Иванович – доктор исторических наук, профессор Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь), menkovski@bsu.by.

Жеребцов Игорь Любомирович – доктор исторических наук, председатель Президиума Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения Российской академии наук, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Сыктывкар, Российская Федерация), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru.

Содержание

Предисловие	3
Введение. СССР 1920–1930-х гг.: Генезис «сталинизма»	6
Отказ от идеи «города-сада»	16
Социалистический город в концепции	29
Социалистический город в реальности	46
Заключение. Урбанизация в СССР в период индустриализации	59
Источники и литература	63
Сведения об авторах	68

ISBN 978-5-89606-574-6

Научное издание

М. Г. Меерович, В. И. Меньковский, И. Л. Жеребцов

**«СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГОРОД»: ИДЕЯ И ЕЕ ВОПЛОЩЕНИЕ
В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ 1920–1930-х ГОДОВ**

Рекомендовано к печати
Президиумом Коми отделения
Российского исторического общества

Оригинал-макет – О.Н. Низовцев

Компьютерный набор. Формат 60 x 90 ¹/₁₆. Подписано в печать 16.09.2019.
Уч.-изд. л. 4,0. Усл. печ. л. 4,5. Тираж 300. Заказ № 135.

Информационно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26.

